

Господин адвокат

Фридрих Незнанский

Одержимость

«Автор»

Незнанский Ф. Е.

Одержимость / Ф. Е. Незнанский — «Автор», — (Господин адвокат)

Во время матча против чуда отечественной кибернетики – компьютера «Владимир-1» – при загадочных обстоятельствах погибает известный шахматист. Возможно, он покончил с собой, но вот что толкнуло его к такому шагу? Официальное следствие по этому делу уже закрыто, но спортивные функционеры в панике: смерть шахматиста – удар по престижу Российской шахматной федерации, отстоять честь которой сможет лишь искушенный в юридической казуистике адвокат Юрий Петрович Гордеев.

© Незнанский Ф. Е.

© Автор

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	9
3	12
4	14
5	18
6	21
7	22
8	26
9	29
10	33
11	36
12	37
13	41
14	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Фридрих Незнанский

Одержимость

Часть первая

1

– Крутишься, крутишься, как белка в колесе! – Дежурный следователь, кряхтя, в несколько толчков выдавил себя на улицу, напоследок хлопнув что есть сил дверцей.

Водитель «Газели», совсем молодой-зеленый, болезненно поморщился, как будто ему отвесили оплеуху, и выругался себе под нос.

Следователь разглядел движение губ, но извиняться, разумеется, не стал, железо все стерпит, а водила в следственной бригаде вообще человек десятый. Подумаешь, обиделся!..

– С какого этажа выпал? – спросил он у подошедшего опера.

– Сейчас установим, – ответил капитан.

Следователь мельком взглянул на вертикальный ряд окон над телом. Открыто было только одно – на шестом этаже. Над служебными входами тянулись ядовито-синие широкие клеенчатые навесы. Под открытым окном навес был разодран, куски клеенки шумно трепыхались на ветру.

– Оттуда. Больше неоткуда.

Капитан отвернулся и полез за носовым платком. Был он ладным и бравым в отличие от тучного, сутулого, насквозь штатского следователя, но вид имел болезненный. Из-под воротника шинели выбивался пестрый сине-зеленый шарф.

– Оттуда, – подтвердил он.

– С чего это вы при погонах? – без особого интереса спросил следователь. – Начальство, что ли, ожидается?..

– Да вчера на задержании куртку порвал... Не поверите, одна у меня куртка. Пришлось шинель надеть...

– Почему не поверю, у меня у самого одна зимняя. На нашу зарплату не больно-то разгуляешься...

К телу никто подходить не торопился.

– Так и будем стоять? – присоединилась к обсуждению судмедэксперт – кругленькая, с татарскими скулами и раскосыми сонными глазами. – Тогда я лучше пойду посплю.

– Следы, – произнес следователь многозначительно.

Она кивнула. То ли понимающе, то ли с издевкой.

– А-а!.. Следы?..

Молча потоптались на месте еще секунд двадцать.

– А я думала – кровища.

– Кровища подмерзла уже, – прогундосил опер.

Постояли еще немного.

– Ну что, мы будем осматривать или нет? – судмедэксперт тронула следователя за рукав. – Покойничков никогда не видели? У вас на лысине гусиная кожа, отморозите. Шапку наденьте!

– Я гриппом последний раз в школе болел, – отмахнулся следователь.

– Так схлопочете менингит.

– Вы бы лучше халат задом наперед надели. Какой от него прок, если он в пол-обхвата?

– На вас бы и так по швам разошелся!

Налетел очередной порыв ветра, окутав всех бензиновым выхлопом.

– Мерзнешь, что ли?! – прикрикнул капитан на шофера. – Двигатель заглуши!

С крыши сорвало несколько мелких сосулек – крупные пообвалились давно, оставив после себя груды уже оплывших осколков, – одна с треском раскололась у самой головы покойника, брызнув во все стороны красным.

– Ну, я наверх? – спросил капитан, поеживаясь.

– Следы свежие, – заметил следователь, – и четкие. Трехтонка, Газ-66. Проехала уже после того, как снег прекратился.

Опер только пожал плечами.

– А он после нее, видите, бахнулся внутрь колеи.

– Точно! – оживился капитан. – а сыпать перестало где-то за полчаса до вызова! Или меньше. Почти сразу, как заступили... Так я наверх?

Судмедэксперт, отчаявшись дожидаться руководящих указаний, подошла к телу и присела на корточки у изголовья.

– Множественные переломы нижних конечностей, перелом основания черепа. Предварительно, смерть наступила в результате падения. Летел ногами вниз, затем опрокинулся назад и ударился затылком. – Она приподняла голову за волосы, демонстрируя следователю, как она свободно болтается относительно неподвижной шеи.

– Кофе хотите? – спросил следователь, отворачиваясь.

– У вас в «дипломате» термос?

– Полуторалитровый.

– А у меня яблоко.

– Одно?

– Полукилограммовое.

Они вернулись в «Газель». Пол в салоне был грязным. Следователь неприязненно посмотрел на водителя, дремавшего над кроссвордом.

– Не высыпашься?

– Завидуете?

Судмедэксперт достала из сумочки обещанное яблоко. Оно и вправду было замечательным: наливным, краснобоким, размером с хороший грейпфрут.

– Нож есть? – спросил у шофера следователь.

– Нет.

– Тогда не участвуешь.

Он расчленил гигантский плод чайной ложкой, погружая ручку в мякоть на всю длину. Потом сделал изрядный глоток кофе, откинулся на спинку сиденья и, примеряясь, с какой стороны почать свою половину яблока, спросил благодушно, не обращая ни к кому конкретно:

– Кому это спозаранку полетать захотелось?

– Выкидыш, – проявил эрудицию водитель.

– Вы давно судмедэкспертом? – следователь все не решался откусить.

– Бестактный вопрос!

– Почему?

– Потому что о возрасте.

– Да нет, я не в том смысле.

– А в каком?

– Раньше никогда не встречались на дежурствах.

– Ну и что?

– Будет солнечный день, – снова попытался вступить в разговор водитель.

– С чего ты взял? Ты что, гидрометцентр?

– Народная примета. Восточный ветер, и небо на востоке малиновое.

– Малиновое! – фыркнул следователь. – Тебе почему знать, что оно не алое или не розовое? Вышел бы, лобовое стекло протер, а потом бы рассуждал. Малиновое! Восход на дворе. Каким оно, по-твоему, должно быть?!

Возле тела тем временем собралась стайка синиц.

– Черт бы их побрал, – тихо ругнулся следователь.

– Натопчут? – усмехнулся водитель.

– Нагадят.

– Посигналить?

– К теще в деревню приедешь – там и сигнал! Семь утра, соображаешь, что говоришь?

Сейчас полгостиницы из окон повысовывается.

– А из окон все падают и падают старушки... – продекламировал шофер.

– Знаешь что, умник?! – Следователь неожиданно разозлился не на шутку: лоб побледнел, заиграли желваки. – Иди-ка и прогони их! Живо!

– Я че, пугало?! – водитель отпрянул испуганно.

– Чучело ты! Бегом, я сказал! И на вот, яблоко держи.

Судмедэксперт, пессимистически сощурившись, посмотрела на небо.

– Не будет погоды.

– Не будет, – согласился следователь.

– Так давайте заканчивать, а то околеем здесь! Или дождь пойдет.

Покойник был в спортивных штанах и тонкой водолазке. Следователь за пару секунд обшарил немногочисленные карманы – пусто. Понюхал, брезгливо склонившись к лицу.

– Не пьяный.

Появился капитан – оперуполномоченный. Следователь глянул вопросительно.

– Не наш человек.

– Иностранец?

– Нет. – капитан покрутил пальцем у виска.

– Поня-ятно. – Следователь повернулся к судмедэксперту: – Заканчивайте тут, пройдусь и я наверх.

– Не спешите особо. – Капитан посмотрел на распахнутое окно шестого этажа и плавно опустил взгляд до земли, задержавшись на разорванном навесе, как бы отслеживая путь погибшего.

– А чего там?

– Там холодрыга почище, чем на улице. Окно настезь, сквозняк.

– Следов борьбы нет?

– Нет.

– А свидетели?

– Пока не нашли.

– В соседних номерах шум слышали?

– Нет, все было тихо.

– Ладно, сейчас покурим и поднимемся. – Следователь достал пачку «Лакки страйк».

Предложил капитану.

– Спасибо, не надо. Бросаю.

– Фамилию установили?

– Болотников. Якобы известный шахматист.

– А-а, – подхватил следователь, – да-да-да! Какой-то матч против компьютера.

– Они вдвоем играют! – вставил водитель, околавившийся сзади, в нескольких шагах, но старательно избегавший смотреть на труп.

Следователь кивнул:

– Вдвоем. Точно. А как второго зовут?

- Не помню. Вылетело из головы.
- Как-то на «М». – Следователь мучительно наморщил лоб. – Калинин? Молодцов?.. Фонд еще есть имени его... Или шахматная школа для детей...
- Мельник! – вспомнил капитан.
- Раньше всех знали. – Следователь сбил носком ледяной нарост на бордюре. – Как таблицу умножения. Как членов политбюро. Ботвинник, Смыслов, Петросян, Таль, Спасский... А потом – как отрезало. Ничего не стало, и их не стало. Подевались куда-то.
- А Полугаевский? – добавил капитан. – Корчной...
- Ага, и этот туда же. Значит, самоубийство?
- Похоже.
- Так говорите, холодно в номере?
- Порядком. А вообще, у меня температура, – пожаловался капитан. – Могу быть не объективен.
- Ладно. – Следователь вытащил из кармана вязаную шапку. – Одну, пожалуй.

2

Керубино мечтательно смотрел в потолок. Собственно, он все делал мечтательно – мечтательно и созерцательно, такой уж он был человек. Мечтательно работал, мечтательно смотрел кино, ездил на машине, мечтательно спал, мечтательно ел, мечтательно... мечтательно жил. Мечтательность была сутью его природы, и, возможно, именно поэтому он стал тем, кем стал. Вот сейчас часто говорят, ссылаясь на ученых, что, возможно, нетрадиционная сексуальная ориентация обусловлена в человеке изначально, еще при зачатии. Как-то у него, дескать, по-особенному хромосомы устроены. Но Керубино в это не верил, он искренне считал, что каждый человек делает себя сам, ну и еще немного в этом участвуют окружающие. В общем-то это не очень трудно, когда ты молод, хорош собой и у тебя есть родинка на левой щеке. А если и нет, то можно организовать.

Керубино, конечно, на самом деле звали по-другому, звали его Матвеем Рубиновым, но уже давно никто не называл его иначе, как Керубино. Так звали в «Женитьбе Фигаро» пажа графа Альмавивы – хорошенького и кудрявого юношу, немного похожего на девушку. И кто-то из очень близких друзей однажды заметил у Матвея определенное сходство с этим персонажем, и прозвище постепенно превратилось в имя.

В прежние времена, когда он еще не был Керубино, а был совсем юн и глуп, он зачем-то поступил в пожарное училище. Наверно, хотел тоненький переросток-тинейджер самоутвердиться – получить, так сказать, «настоящую мужскую специальность». И, надо заметить, выбор он сделал правильный, точнее, судьбоносный. Потому что как раз там-то, среди грубых мужланов, Керубино окончательно прозрел, понял, что у него совсем другая судьба – и в личной жизни, и в профессиональной. Керубино ушел со второго курса и стал парикмахером. Он не заканчивал никаких специальных курсов или школ, просто жизнь счастливо распорядилась таким образом, что однажды он познакомился с известным московским маэстро ножниц и фена, который и наставил его на путь истинный. И в профессиональной жизни, и в личной. Он лично давал ему уроки, и уже через год у Керубино была своя, частная клиентура, основу которой составляли молодые танцовщицы из Большого театра. Ну а потом и много других было.

К чести старых приятелей, от Керубино они не отвернулись, несмотря на то что жизнь его переменялась кардинальным образом (хотя часто бывает именно так), и в доказательство позвали его как-то к себе в общежитие – встречать старый новый год. Гулять пожарники намеревались весело, долго и продуктивно, в общем, как всегда, с огоньком. Возможно, так оно и вышло, только Керубино об этом не узнал, потому что на вечеринку не попал. Было одиннадцать вечера. Доехал Керубино по проспекту Мира до улицы Бориса Галушкина, где располагалось общежитие, и отпустил такси, потому что захотел пройти сотню метров пешочком – просто проветриться и подышать ночным морозным воздухом. Погода в тот вечер была чудо как хороша. Запахнув полы шубы, Керубино неторопливо шел и наслаждался жизнью. А шуба, стоит заметить, у него была особенная. Во-первых, она была соболиная, во-вторых, выглядела особенно роскошно, потому что была... женская. Нравились Керубино женские шубы.

Когда он добрался до дверей общежития, то услышал сзади:

– Добрый вечер...

Обернулся и увидел милицейский патруль.

– Откуда шуба? – недружелюбно поинтересовались стражи порядка.

Керубино стал объяснять, что шуба эта – его, но, видно, что-то милиционеров смутило.

– Пройдемте с нами, разберемся, – сказали ему, запихнули в милицейскую машину и отвезли в ближайшее отделение – на улицу Павла Корчагина.

В отделении у него спросили:

– Фамилия?

– Рубинов, – честно сказал Керубино.
– Чья на вас шуба?
– Моя собственная, конечно.
– А не сочиняете? Почему же она женская?
– Женские обычно теплей. И потом – это подарок, – сказал Керубино святую правду, потому что был презент от близкого друга, довольно известного человека.

В общем, ему пришлось назвать этого близкого друга и известного человека. Тому позвонили, и тот подтвердил. Милиционеры переглянулись и отпустили Керубино. Он вышел из отделения, поймал машину и за пять минут доехал до общежития. Едва он вышел из машины и сделал несколько шагов, как сзади раздался голос:

– Уважаемый! – Это был уже другой патруль. – Откуда такая шуба? Да еще, блин, женская?!

Керубино громко вздохнул и начал все объяснять сначала, в том числе и то, что его сегодня уже задерживали, и попросил позвонить в отделение на Корчагина – проверить. Не помогло. Его усадили в машину и отвезли. В этот раз в отделении все были заняты и для начала Керубино усадили в «обезьянник» с бомжами. Надо думать, в своей соболиной шубе он смотрелся там особенно пикантно. И, как ни удивительно, Керубино там заснул. И снилось ему, что его прямо из камеры похитили зелененькие человечки, не так чтобы маленькие, но и не большие. Они притащили его к себе в летающую тарелку (кажется, это было где-то в районе Ботанического сада, то есть совсем недалеко), там раздели и долго и придиричиво изучали анатомию Керубино. Керубино было чем гордиться, и он не возражал.

Спустя три с половиной часа про него наконец вспомнили, разбудили, вытащили из «обезьянника», и тогда состоялся следующий диалог:

– Фамилия?
– Рубинов.
– Подожди-ка... Так ты уже у нас сегодня был!
– Да был, и вот почему-то снова задержали...
– Ладно, уже разобрались, свободен!

В третьем часу ночи Керубино снова добрался до общежития пожарников. Свежий морозный воздух почему-то больше настроение не поднимал. Он шел и думал о том, правда ли то, что с ним было в летающей тарелке, или только приснилось?.. И вот заветная дверь общежития была уже совсем рядом, когда сзади послышалось:

– Добрый вечер! Откуда женская шуба?! Почему так поздно?! Пройдемте в отделение.

Керубино не сопротивлялся, он еле сдерживал нервный смех. Его усадили в машину и отвезли в отделение. Подъехав, открыли двери:

– Выходи!
– Не выйду, – заупрямился Керубино.
– Это еще почему?!
– А вы зайдите и скажите, что вы Керубино привезли!
– Кого?!
– То есть я хотел сказать – Рубинова.
– Хм. А тебя что, тут знают, что ли?
– Ну, вы зайдите, скажите...

Патрульный зашел и долго не мог понять, почему все отделение схватилось за животы, когда он сообщил, кого привез. И Керубино в общежитие больше не поехал, а вернулся домой, его туда доставили на милицейской машине. И в эту же ночь, под утро, ему в первый раз явились зелененькие человечки.

...Керубино мечтательно смотрел в потолок. Собственно, мечтательность у него сегодня была грустной тональности. Он хотел простой человеческой жизни, куда нет хода зелененьким

человечкам. Керубино протянул руку и поднял с ковра журнал, который ему вчера в баре дал один приятель, очень милый юноша, он сообщил, что там есть интересная заметуля о... о... о чем бишь, она?

«Английские ученые из Брайдсхедского научного центра сделали сообщение о революционном открытии. Им как будто удалось расшифровать структуру так называемой Y-хромосомы человека, имеющей самое сложное строение. Ученые обнаружили в Y-хромосоме 78 генов. Сообщается, что лишь некоторые гены отвечают за генерацию мужской спермы и только один отвечает за формирование мужского пола будущего ребенка. А другой участвует в функционировании мозга и встречается не всегда. Среди генов женской X-хромосомы он вообще отсутствует. Предполагается, что именно наличие этого гена определяет сексуальную ориентацию будущего мужчины. Работа английских ученых осуществлялась в рамках международного проекта по расшифровке человеческого генома, результаты которого должны помочь в раскрытии эволюции человека и происхождении некоторых видов бесплодия. Брайдсхедский научный центр не так давно уже попал на первые полосы крупнейших СМИ, когда сотрудники его кибернетической лаборатории заявили о создании сверхсовершенного шахматного компьютера „Джонатан Свифт“. Напомним, что в состоявшемся в декабре соревновании между машиной и болгарским гроссмейстером...»

Мечтательность Керубино приобрела грустный оттенок, он бросил журнал обратно на пол, шахматы его не волновали.

После того случая, когда зеленые человечки похитили Керубино прямо из отделения милиции, спустя неделю все повторилось – его снова похитили. Ночью из собственной квартиры, также во сне, только на этот раз инопланетяне были не маленькие и зелененькие, а большие и синенькие. Потом еще раз и еще. И снова и снова. Практически каждую ночь.

Керубино стал плохо выглядеть, под глазами появились круги, а щеки запали, на это многие друзья обратили внимание. Но он никому ничего не рассказывал, потому что первое время с ним обходились хорошо, грех было жаловаться. Даже приятно обходились. Но потом все изменилось. Размер и цвет человечков снова изменился, и они теперь не делали Керубино приятных вещей, а только пугали его и мучили.

И наконец, он не выдержал и решил подать в суд на Российское космическое агентство, которое, по его разумению, должно было нести ответственность за деятельность инопланетян на земле. Ну, примерно как в фильме «Люди в черном». А в адвокаты Керубино пригласил опытного юриста Юрия Петровича Гордеева, потому что его порекомендовал очень близкий друг, известный и влиятельный человек, тот самый, что шубу соболиную подарил. Гордеев за дело взялся, но почему-то показалось Керубино, что как-то несерьезно он к нему относится. Словно... словно не верит! Но как же можно не верить, если с ним, с Керубино, это самое вот регулярно происходит?!

Юрий Петрович попросил Керубино после каждого похищения подробно наговаривать на диктофон все, что с ним произошло, а кассеты ему отдавать. Он их будет приобщать к делу.

3

Юрий Петрович Гордеев тоже смотрел в потолок, но совсем не мечтательно. Он сидел в своем кабинете в юрконсультации № 10, что на Таганке, прихлебывал остывший чай и размышлял уныло и устало. Вот и оказывай людям услуги, думал он. Даже хорошим и полезным людям...

Один могущественный деятель шоу-бизнеса, с которым Юрий Петрович был довольно коротко знаком, попросил его помочь приятелю, молодому талантливому парикмахеру – у того, дескать, какие-то неприятности в личной жизни, такого рода, что нужен хороший адвокат. Причем, видно, неприятности зашли так далеко, что это скверно отражается на всех. Молодой талантливый парикмахер стал плохо стричь, а недавно порезал ему, могущественному деятелю шоу-бизнеса, краешек уха.

Ну, и потом оказалось то, что оказалось. Юрий Петрович познакомился с Керубино, то есть – тьфу ты (Гордеев поморщился и отставил чашку) – с Матвеем Рубиновым. Парикмахер был действительно вполне приятным молодым человеком. Только чокнутым.

Матвей Рубинов на полном серьезе намеревался отсудить у российского космического агентства кругленькую сумму с пятью нулями, а главное, он почему-то слепо уверовал, что, как только космическое агентство вступит с ним в переговоры, человечки (то ли зелененькие, то ли синенькие, Гордеев этого до конца так и не понял) сразу от него отстанут.

Впрочем, определенная логика у этой паранойи была. Если допустить (ха!), что человечков действительно засылают из космического агентства, то оно, агентство, чтобы не платить не пойми кому сумасшедшие бабки, тут же сделает вид, что понятия ни о чем не имеет, и человечков своих отзовет. Либо не отзовет, а заинтересуется данным феноменом (если, конечно, они еще до сих пор не в курсе) и возьмет Керубино под свою опеку, а распоясавшихся зеленых поможет вернуть в рамки приличия. Либо Керубино, то есть Рубинов, сделает тем временем видеосъемку, доказательства будут налицо, и тогда...

Господи, ну что за бред!

Гордеев выплеснул остывший чай в цветочный горшок и сварил себе кофе. Легче не стало. На столе лежал чистый бланк искового заявления, но рука не поднималась вписать в него хоть слово.

Он прекрасно понимал, что, едва составит официальную бумагу, его репутация здорово пошатнется. Стоит дать делу ход, и в него начнут тыкать пальцами коллеги, за него возьмется пресса, за спиной у него будут хихикать и украдкой крутить пальцем у виска. И хорошо еще, если на этом неприятности закончатся. Нет, он не трусил в прямом широком смысле этого слова. Он был готов защищать интересы клиента, сколь бы странными они ни казались. Но только в том случае, если сам верил в то, что защищает. А в данном случае в человечков он не верил. Не верил, несмотря на то что рассказы Керубино были живыми и конкретными.

Однако же и бросить клиента он тоже не мог.

Оставалось тянуть время и надеяться, что все разрешится само собой.

Опять же, могущественный деятель шоу-бизнеса заверил, что Керубино абсолютно здоров. И физически, и психически. Ну, последнее-то он наверняка знать не мог... А пока что приходилось хотя бы формально отрабатывать защиту клиента – Гордеев собирал сведения о космическом агентстве, а также приставил к Рубинову оперативника из «Глории» – Колю Щербака. Щербак, поездив за парикмахером несколько дней, пришел к тому же выводу, что и адвокат: парень не в себе, слежки ни за ним, ни за его квартирой никто не ведет, посторонних рядом с ним не замечено. И Гордеев, удовлетворенный собранным материалом, сказал Щербаку, что опеку можно прекратить.

Опеку прекратить и тянуть время... Но сколько можно его тянуть? В общем, Гордеев понимал, что «попал», и достойного выхода из положения не просматривалось.

Когда он на днях обмолвился о своем клиенте Александру Борисовичу Турецкому, тот долго и безудержно гоготал. До икоты, до слез. Конечно, самому Турецкому небось никогда не приходилось попадать в подобные «задницы». Чем хороша Генпрокуратура – туда с такими бреднями не сунешься, не то что к адвокату. Адвокат – он как священник: свалил свои проблемы на его плечи, и можешь расслабиться. Только у священника есть безотказный метод: помолился, передал «докладную» в высшую инстанцию и – забыл. А адвокат? Вот пошел посоветоваться со старшим и мудрым товарищем, и что из этого вышло? Добрый Александр Борисович посоветовал: пошли этого шизика подальше или найди ему хорошего психиатра.

А может быть, действительно найти психиатра или хотя бы психолога, провести сеанс гипноза Рубинову? По крайней мере, точно выяснится, галлюцинации у него или на самом деле существует некое зеленое человечество, которое отлавливает земных индивидуумов нетрадиционной сексуальной ориентации и подвергает их бесчеловечным экспериментам.

4

Турецкий сидел в своем кабинете и тупо слушал радио. Обычно в рабочее время он этого не делал, современные укв-радиостанции с их бесконечной рекламой между музыкальными номерами и сводками новостей, как правило, действовали на него угнетающе и не позволяли ни расслабиться, ни сконцентрироваться. Впрочем, последнее время на Александра Борисовича все так действовало. Радио между тем сообщало:

«В Оттаве прошел чемпионат мира по игре SSP, эта аббревиатура расшифровывается просто: stone, scissors, paper, то есть, как вы понимаете, речь идет об игре, известной у нас под тем же названием – „Камень, ножницы, бумага“. На кону, помимо титула, было 18 000 долларов, за которые боролись около тысячи асов этой детской игры из многих стран мира. Этот турнир уже имеет трехлетнюю историю и неизменно привлекает публику. Организаторы турнира засвидетельствовали очевидный прогресс в развитии этого „вида спорта“, зародившегося много тысяч лет назад для решения различных споров и проверки реакции оппонента, а ныне популярного в основном среди маленьких детей. Невозможно точно сказать, когда зародилась эта игра. Ее следы есть во многих древних культурах мира, несмотря на то что ножницы были изобретены в Италии всего 500 лет назад. Есть мнение, что до этого бросок „ножницы“ назывался „лезвия“ и эта игра гораздо старше. Сами участники соревнований утверждают, что для победы нужна тонкая стратегия. В частности, нужно „заговаривать зубы“ сопернику и периодически сбивать его с толку. Капитан английской сборной Джон Патерсон сказал, что эта игра не менее драматична и увлекательна, чем, например, регби: у нее есть две стороны, во-первых, необходима быстрота реакции, во-вторых, нужно быть очень хорошим психологом, чтобы читать на лице противника его будущие ходы. А победителем нынешнего турнира стал никому доселе не известный Йон Смит из Чикаго. За свою победу он получил 12 000 долларов, которые тут же пожертвовал...»

– На фига попу гармонь? – вслух спросил Турецкий сам себя. – На фига, спрашивается, мне это надо? – И выключил приемник.

Александр Борисович был не в духе. Причиной тому являлось странное поведение его жены. Образцовая мать семейства и прекрасный учитель музыки вела себя совершенно не свойственным ей образом уже несколько недель. Во-первых, после работы она не торопилась домой, как обычно, а застревала то в своей музыкальной школе, где у нее в последнее время, как по заказу, образовались какие-то педсоветы и встречи с родителями, а то и вовсе пропадала в гостях у своих многочисленных подруг. Во-вторых, мобильный телефон, который в буквальном смысле всучил ей Александр Борисович, Ирина Генриховна в таких случаях отключала, и это раздражало его больше всего. Турецкий вообще не представлял себе, как взрослый человек, накрепко интегрированный в этот сумасшедший город, может обходиться без сиюминутной связи со всеми на свете. Но Ирина Генриховна, кажется, чувствовала себя вполне комфортно. И кто – его жена, которая сама всю жизнь и каждую минуту беспокоилась за своих близких! Теперь вдруг она стала какой-то плавной и даже, как сказал бы крупный специалист по йоге Денис Грязнов, медитативной.

И что это объясняет?

Ни хрена это не объясняет.

А главное, главное-то, что она совершенно перестала звонить Турецкому на работу, когда он в свою очередь задерживался или заезжал к Славе Грязнову пропустить по сто граммов, чтобы снять дневное напряжение. Как же, снимешь его теперь! Все государственные дела постепенно отошли на второй план, и мыслями Турецкий был теперь где-то на сольфеджио. Дошло до того, что задерживаться на Большой Дмитровке он и вовсе перестал и каждый вечер с тревогой на душе спешил домой. Однако дома внешне все было как обычно: его ждал отлич-

ный горячий ужин, стремительно взрослеющая дочь рассказывала что-то забавное про школу, но жена... жена словно отсутствовала, хотя и была уже дома. Она как-то загадочно улыбалась, молчала, мечтательно смотрела в потолок и еще... еще словно что-то обдумывала. Это было так на нее не похоже!

Помощник Генерального прокурора, следователь с многолетним стажем, он не мог разгадать причину такой перемены. Кажется, впервые в жизни Турецкий начинал понимать, что чувствуют женщины, когда их мужчины ведут себя: а) легкомысленно и б) таинственно, то есть совершенно неизвестно, где именно они себя ведут легкомысленно!

Итак, что же это могло быть?

Измена исключалась. Тот единственный раз, когда его жена всерьез пережила романтическое увлечение, чуть было не закончившееся катастрофой для всех, Турецкий запомнил на всю жизнь. Да и она тоже¹. Нет, здесь было что-то другое. Но что? Не следить же за женой, в самом деле! нет, до этого он опуститься не мог. Главное, он просто обязан быть уверен, что с ней все в порядке и ничего ей не угрожает. А относительно этого полной уверенности как раз и не было! Ирина вела себя так, будто ее зомбировали. Или забрали инопланетяне для опытов, а вместо нее оставили какого-то клона – надувного, резинового...

Кроме всего прочего, дома вместо привычных ноктюрнов Шопена зазвучала какая-то странная гитарная музыка, не то джаз, не то что-то еще более непонятное. Ирина Генриховна снисходительно объяснила Александру Борисовичу, что это Аль Ди Меола и Пако Де Лючия. Такие вот музыканты. Такая вот музыка. Ей нравится. А ему разве нет? Вчера Турецкий пожал плечами и пошел в комнату к дочери. Может быть, она поможет разобраться в том, что происходит с их мамой? В конце концов, устами младенца истина глаголет иногда и в семье ответственного работника Генпрокуратуры. Семиклассница Ниночка решала какую-то задачку по геометрии и при этом бессовестно эксплуатировала компьютер. Проще говоря, она откуда-то сдувала решение. В другой раз Турецкий отругал бы ее за это нещадно, но сейчас даже не обратил внимания. Он хотел задать дочери невинный вопрос, ответ на который мог бы хоть немного прояснить ситуацию: например, куда они с мамой заезжали в воскресенье после того, как задержались в Большом театре на какой-то балетной премьере? Оказалось, никуда не заезжали, а поздно вернулись, потому что спектакль имел необычайный успех и танцовщиков много раз вызывали на бис.

Ночью Турецкому снилось, что он попал в какой-то старый фантастический фильм – «Амазонки на луне», или что-то в таком духе. Инопланетяне там были не маленькие и зелененькие, а большие и синенькие.

А сегодня утром на кухне дочка включила радио... и, видимо, это была та же радиостанция, которую он слушал только что, потому что похожий голос развивал ту же тему:

«Любопытные новости из Канады, в столице которой проходил чемпионат мира по игре „Камень, ножницы, бумага“. Оказывается, победитель соревнований, участвовавший под именем Йон Смит, не кто иной, как знаменитый шведский шахматист Свен-Ерран Йохансен, вице-чемпион мира по быстрым шахматам и, по общему признанному мнению, самый „быстрый“ гроссмейстер за последнее десятилетие. Тем удивительнее было, что в финале последнего первенства мира, проводившегося по нокаут-системе, он уступил нашему соотечественнику Богдану Болотникову. Господин Йохансен объяснил, что устал от шахмат и что игра „Камень, ножницы, бумага“ – это отличная разрядка для его воспаленных мозгов...»

Такой вот заколдованный круг...

Мысли от странностей супруги свернули на странности мироздания вообще, на то, что человек вовсе не хозяин своей судьбы и не хозяин положения в каждый момент времени, а

¹ См. роман Фридриха Незнанского «Картель правосудия».

порой случаются такие невообразимые совпадения, что никакими рациональными материями их не объяснишь. Вот, например, не так давно...

Тут запищал мобильный и Александр Борисович почему-то решил, что это Ирина Генриховна, которая все сейчас о себе объяснит. Но звонила секретарша Генерального прокурора. И тон у нее был извиняющийся и немного напуганный:

– Александр Борисович, я бы не стала вас беспокоить, но думаю, что вы захотите об этом узнать заранее. Дело в том... с раннего утра названивает какой-то спортивный чиновник, вас ищет...

– Не знаю никаких спортивных чиновников, – буркнул Турецкий. – И я давно на работе, вы можете позвонить мне по служебному.

– Не кладите трубку! Этого человека зовут Георгий Аркадьевич Воскобойников, он из шахматной федерации, он там какой-то начальник. вы понимаете, он устроил такой скандал, когда я не дала ему ваш мобильный телефон, сказал, что приедет немедленно сюда и будет разговаривать если не с вами, то с самим Генеральным прокурором, что у него дело государственной важности, в общем, молот обычный вздор, но меня, честно сказать, напугал и я решила поскорее вам сообщить, а то, кто знает, вдруг правда ворвется в приемную, и еще неизвестно, кто он такой...

– Он тот, кем назвался, – вздохнул Турецкий. – Заместитель председателя шахматной федерации. Ладно, вы все-таки дайте ему мой телефон...

Буквально через десять минут Воскобойников позвонил сам, голос у него был в самом деле взвинченный.

– Александр Борисович, дорогой, как я счастлив, что наконец вас нашел! Мы должны срочно увидеться, у меня дело – просто специально для вас, как по заказу! Это будет самое уникальное ваше расследование!

– Георгий Аркадьевич, – сказал Турецкий, стараясь подавить отчего-то вдруг нарастающее раздражение, – я больше не работаю следователем.

– Да? – Воскобойников немного растерялся. – Но как же тогда... можем мы хотя бы увидеться? Вы слышали, что произошло? Шахматная федерация просто в трансе!..

– Я не люблю шахматы, вы совсем забыли, – любезно напомнил Турецкий.

С Воскобойниковым Александр Борисович познакомился года полтора назад на Кипре и еще тогда заявил о своей нелюбви к шахматам. Благо Воскобойников был интересен не только как шахматист и тем более не как чиновник от шахмат – он был отличным собеседником, умел виртуозно пить не пьянея, отлично играл на бильярде и по-настоящему скрасил Александру Борисовичу невыносимо долгие десять дней семейного отдыха, когда под неусыпным надзором Ирины Генриховны не было никакого толку ни от моря, ни от солнца, ни от умопомрачительно длинноногих девиц, толпами шлявшихся по пляжам и барам.

– Но если хотите увидеться и если в этом действительно есть нужда, подъезжайте ко мне работу.

Так и условились, Воскобойников должен был приехать в Генпрокуратуру часа через полтора.

Прошло меньше часа, и Воскобойников позвонил снова. Он сказал, что никак не может выехать из федерации, у них там идут бесконечные совещания по поводу последних печальных событий, о которых Турецкий конечно же слышал. Турецкий ни о чем таком не слышал, ему, собственно, было все равно, и он предложил Воскобойникову приехать, когда ему будет удобно. После этого Александр Борисович принялся за обычные текущие дела. Сходил на прием к Генеральному, получил от него очередное абсурдное поручение. Потом заглянул к заместителю Генерального по следствию – Константину Дмитриевичу Меркулову, с которым немного посплетничал и обсудил Генерального и его гениальные поручения. Потом он с головой зарылся в свои бумаги.

Около четырех часов дня опять позвонил Воскобойников и, трижды извинившись, сказал, что передумал, что не хочет тревожить Александра Борисовича, отнимать его драгоценное рабочее время, ну и так далее в том же духе. Турецкий пожал плечами и положил трубку. Одной головной болью меньше, ну их к лешему, этих спортивных чиновников.

5

– Ну че? Узнал че-нибудь?

– Ноль. Все молчат. Ментов полная гостиница, в администрацию не пролезть. Этажи как повымерли. Может, он живой вообще?

– Щас скажут. – Оператор криво усмехнулся и чуть не уронил лежавшую на правом плече камеру. Еле успел подхватить. – Вот ведь фак!

Репортер ТВ13, с желтыми волосами и сломанным носом, прислонился к стене и оперся о нее затылком:

– Плевать. Шахматы вообще не мой профиль. Стоим, ждем. До вечернего выпуска все равно успеем смонтировать, а в дневной мы и так опоздали.

– Не только мы. – оператор кивнул на толпившихся в конференц-зале еще человек сорок таких же, как они, с микрофонами и камерами.

Представители всевозможных СМИ суетились и жужжали, как мошкара над болотом, только что не жалили всех, кто попадался на глаза. На сцене уже установили свет, отодвинули подальше зачехленный белым покрывалом компьютер и подключали микрофоны на столе президиума, все места за которым пока оставались вакантными. В зале же свободных мест, наоборот, не осталось ни одного, большинство присутствующих стояли, точнее, – непрерывно сновали туда-сюда, создавая невообразимую толчею. Какой-то шутник включил «Лебединое озеро».

– В три обещали!

– В три, – хмыкнул репортер. – В полчетвертого, значит, начнут. Прикол, да? Не успели нахвастаться толком, а уже облажались.

– Это же не они облажались. Вроде прерывают из-за Болотникова.

Репортер презрительно цыкнул зубом:

– Из-за Болотникова?! Да липа это все чистой воды. Презентация она и есть презентация! Все по сценарию. Надо буржуинам втюхать нашу гениальную разработку, они и втюхивают. Слышал анекдот? Создан российский шахматный суперкомпьютер...

– «Иван-дурак»? Ха! Знаю. Думаешь, все договорено было?

– Уверен. Ты партии эти видел?

– Я вообще-то не сильно рублю фишку...

– Я тоже не Капабланка. Который Хосе Рауль... Но они же показывали обзоры по НТВ-Спорт, кто шарит, тот сразу просек – дутьш. Баба резиновая надувная. С виду вроде и ничего себе, а в натуре – пшик. У меня сосед по площадке – не то чтоб гроссмейстер, но открытый чемпионат Москвы лет десять назад выиграл. Среди ветеранов. Говорит: хоть бы постыдились.

– Че, лохов против компа выставили? – уточнил оператор.

– Не лохов, гроссы – нормальные, настоящие. А все партии – из серии «детский мат». Нет, естественно, если они бабок от американцев хотят под развитие этого компа, те, может, и клюнут. В Штатах, говорят, со времен Фишера в шахматы вообще играть перестали, там все больше гольф, бейсбол.

– Ну так и устраивали бы все в Штатах, – резонно заметил оператор. – Зачем наших дурить?

– А может, они и от наших тоже бабок хотят. – Репортер нехотя оторвался от стены. – Бабулеточки, они же не пахнут. Все, включай давай, идут вроде. Смотри, а вон Мельник.

– Где?! – оператор развернулся вместе с камерой, задев стоящего рядом другого оператора. – Извини, старик. Ну?! Где?!

– Да вон, у входа! – Тыкал пальцем репортер ТВ13. – Ну и рожа у него. Снимаешь?

– Не вижу.

- Вон!
- Где?
- Все. Свалил.
- Дамы и господа, попрошу тишины! – донеслось со сцены.
- Музыка смолкла.
- Вот же ж фак два раза! – сплюнул под ноги оператор.

За столом президиума расположились четверо, судя по бумажным, наскоро изготовленным табличкам: представитель Development Comp.Inc. Исламбеков, тренер Болотникова Гуревич, представитель районной прокуратуры Щукин и зампреда Шахматной федерации РФ Воскобойников.

Первым слово взял Гуревич. Он обвел аудиторию несколько расфокусированным взглядом и выпалил без обиняков:

– Дамы и господа, с прискорбием извещаю вас о том, что чемпион мира по быстрым шахматам, гроссмейстер Богдан Болотников трагически погиб сегодня утром.

Прежде чем сесть, он еще с полминуты стоял молча, глядя на представителя Development Comp.Inc., а тот, казалось, готов был провалиться сквозь землю и, постой Гуревич еще несколько секунд, наверняка залез бы под стол. В зале поднялся шум, посыпались вопросы:

- Как погиб?!
- Почему погиб?..
- Тише, дамы и господа, тише! – призвал к порядку представитель шахматной федерации.
- Значит, неживой, – буркнул репортер ТВ13.
- Че? – не расслышал оператор.
- Неживой, говорю. Ты говорил, может, он живой. Жмурик – это круто для рекламы.

Американцы жмуриков любят. Особенно наших.

Поднявшийся вслед за Гуревичем представитель прокуратуры дождался, пока шум пойдет на убыль, поднял руку, как будто приносил присягу:

– Ведется следствие. Могу вам сказать, что, по предварительным данным, смерть гражданина Болотникова наступила в результате самоубийства. Опять-таки по предварительным данным, он выбросился из окна своего номера. Смерть наступила вследствие перелома основания черепа. Это случилось сегодня между половиной седьмого и семью утра.

- Свидетели есть?
- Он оставил предсмертную записку?
- Следователь снова поднял руку.
- Я пока не могу раскрывать эту информацию.
- А что за история с машиной? – раздался пронзительный женский голос из самых дальних рядов.

Следователь недовольно поморщился, но ответил:

– Действительно, имела место трагическая случайность: буквально за полминуты до инцидента с места падения отъехал тентованный «ГАЗ-66», загруженный постельным бельем. Произойди это минутой позже, Болотников безусловно остался бы жив.

– И где она только раскопала про машину?! – подсадовал репортер ТВ13.

– Кто? – спросил оператор.

– Да Светка с РТР. Конечно, бабам оно всегда проще, задницей вильнула – и тебе и факты, и комментарии.

А следователя продолжали бомбить вопросами:

- Кто и когда обнаружил тело?
- Другие версии, кроме самоубийства, рассматриваются?
- Заказное убийство вы исключаете полностью?

– Следствие пока не исключает никакие возможности, но опять же пока что фактами, опровергающими версию самоубийства, мы не располагаем.

– Какова дальнейшая судьба матча?

– Насколько вероятно, что причиной суицида послужило нервное переутомление в результате неравной борьбы против компьютера?

Представитель шахматной федерации поднялся, но высказаться ему не дали, опять начался совершенно невообразимый гвалт, продолжавшийся без малого десять минут.

В итоге слово перешло к представителю Development Comp.Inc.

– Есть такое хорошее классическое выражение: игра состоится при любой погоде, – напомнил он, обведя зал орлиным взглядом, и тут же добавил: – Однако до выяснения всех обстоятельств и с согласия господина Мельника матч считается временно приостановленным. Компания Development Comp.Inc. совместно со спонсорами турнира рассматривает вопрос о выплате семье Болотникова премиальных, предназначавшихся ему в случае победы.

– А что думает по этому поводу сам Мельник? – спросили одновременно несколько человек.

– К сожалению, он не смог принять участия в пресс-конференции и попросил меня от его имени выразить сочувствие...

– Неправда! – заорал репортер ТВ13 – наконец-то и у него появилась возможность отличиться. – Я видел господина Мельника в зале! Пусть он поднимется в президиум и выскажет все, что считает нужным... Господин Мельник!

Все завертели головами. Представитель Development Comp.Inc. растерянно забегал глазами по рядам. Мельник таки обнаружился. У самого выхода. Перед ним расступились, давая пройти. Сперва казалось, что гроссмейстер застыл на месте, затем, слегка раскачавшись, он сделал первый шаг и, наконец, медленно прошагал к сцене, на ходу одной рукой ероша волосы, другой – поправляя галстук. Представитель Development Comp.Inc. заметно покраснел, но даже если ему и не хотелось допускать к Мельнику журналистов, теперь уже сделать было ничего нельзя.

Мельник наклонился к микрофону, откашлялся и, глядя в стол, пробубнил:

– Мои искренние соболезнования семье Богдана Болотникова и его команде. Я соглашусь с любым решением организаторов турнира по поводу его дальнейшей судьбы. Но... мне кажется, что лучшим способом почтить память Богдана было бы продолжение матча. Спасибо.

В наступившей на несколько секунд тишине, вызванной всеобщей растерянностью, кто-то из особо рьяных журналистов задал вопрос, выкрикивая каждое слово:

– А вы сами что думаете о связи между гибелью Болотникова и его не совсем удачной игрой с компьютером?

– Да ничего я об этом не думаю! – тоже выкрикнул в ответ Мельник но, смутившись, добавил более спокойным тоном: – То есть я не думаю, что мне стоит об этом думать... такая связь возможна... Или нет – невозможна... Пусть об этом размышляют те, кто... те, кому... – Он махнул рукой и быстро спустился со сцены.

– Как мы их всех уделали, а?! – потирал руки от удовольствия репортер ТВ13. – Давай спустимся, на улице еще снимешь меня с комментарием.

– А че они все заладили, что раз Болотников лапы склеил, то это связано с чудо-компом? – недоумевал оператор.

– Кажется, Болотников что-то такое ляпнул: типа комп сводит его с ума или что-то типа того.

6

Чемпион мира по быстрым шахматам Богдан Болотников покончил с собой от стыда за свою родину.

Презентация нового русского шахматного компьютера скоропостижно закончилась. Хотя другие источники позволяют себе более сильную формулировку «с треском провалилась».

Напомним, что 7 января сего года в московском отеле «Хилтон» с большой помпой был представлен публике новый шахматный компьютер «Владимир I». С аппаратной точки зрения, русский компьютер мало чем отличается от своих западных аналогов, но программное обеспечение (алгоритм и дебютная база) было анонсировано как исключительно продвинутое, даже революционное. «Владимир I», по словам его разработчиков, как никто из его предшественников, приблизился к естественному человеческому интеллекту – интеллекту «чувственному». «Владимир I» в ходе презентации собирался продемонстрировать изумленному человечеству не только умение прорабатывать рекордное количество комбинаций в рекордно короткие сроки, но и способность играть адекватно силе и темпераменту партнера-человека.

Шесть сыгранных «Владимиром I» партий – безусловно, слишком мало для справедливой оценки его потенциала. Соперники компьютера Богдан Болотников и Константин Мельник также были выбраны крайне неудачно. С «Владимиром I» не должны были первыми играть русские шахматисты. И регламент был слишком сложен. Но, так или иначе, человечество не изумилось, а мировая шахматная общественность пребывает в недоумении: «Владимир I» продемонстрировал даже меньше, чем от него ждали самые закоренелые скептики. И в довершение – самоубийство Богдана Болотникова.

Русские выглядят бледно. И, как знать, может быть, вздыхают с облегчением, что презентация прервалась таким образом. Теперь до новой проверки «Владимира I» в деле появилась временная передышка. Вряд ли турнир, прервавшийся так трагично, будет продолжен.

Рон Адамс. «Chesstime»

7

Утром, не успев Турецкий выйти из дома, снова позвонил Воскобойников:

– Александр Борисович, я передумал.

– Передумали что?

– Передумал к вам не приезжать. То есть, если позволите, я все-таки хотел бы вас навестить, так сказать...

Турецкий вздохнул:

– Давайте после пяти вечера, ладно? Сегодня работы много.

– Как скажете!

Что там у них в шахматах могло случиться?.. Иностранцы украли новый русский суперкомпьютер? Вроде ничего такого в новостях не было, впрочем, радио Александр Борисович со вчерашнего утра не включал, телевизор тоже не смотрел. Вчера вечером дома все было как обычно: Ирина витала где-то в облаках, а потом, закрывшись в ванной, долго с кем-то о чем-то разговаривала, и он, разозлившись, ушел спать раньше дочери, а утром ушел, даже не позавтракав.

Проезжая мимо станции метро «Кропоткинская», Турецкий увидел вдруг знакомые очертания – из проулка в поток машин вырливал «форд-маверик» темно-зеленого цвета, такая же точно машина была у Дениса Грязнова. Номер, правда, Турецкий рассмотреть не мог, его заслоняли другие машины, ну и, разумеется, за тонированными стеклами ни пассажиров, ни водителя видно не было, но Александр Борисович не сомневался, что это Денис собственной персоной – он часто ездит таким маршрутом и именно в это время. И тут в голову пришла спасительная мысль. Ну, конечно, кто же еще как не директор ЧОП «Глория», сможет помочь ему в странной и неопределенной ситуации с женой! И, не откладывая дела в долгий ящик, Турецкий позвонил Денису.

– Здорово, сыщик, как живешь?

– Приветствую, Сан Борисыч, все в порядке, твоими молитвами. У тебя тоже надеюсь ничего себе?

– Как тебе сказать... По всякому, в общем. Вот увидел тебя и решил, что неплохо бы остановиться и посидеть где-нибудь. Знаешь, как раньше говорили партаппаратчики, у меня к тебе накопились вопросы. Как ты смотришь на то, чтобы встретиться?

– Сан Борисыч, я бы с удовольствием, может, даже пива бы отхлебнул с тобой ради такого случая... – Денис не пил вообще, так что это была сильная фраза. – но придется подождать, пока я не приеду.

– Куда? – удивился Турецкий.

– Как куда? – удивился и Денис. – В Москву, разумеется.

– А ты сейчас где?! Разве не на Гоголевском бульваре? Я же еду почти за тобой!

– Александр Борисович, побойся бога, я сейчас подъезжаю к Питеру. У меня тут дела.

– О! – расстроился Турецкий. – Грустно слышать.

– У тебя что-нибудь случилось?

В двух словах Турецкий рассказал о своих затруднениях. Договорились, что он обратится с этой деликатной проблемой к Севе Голованову, который в отсутствие Дениса традиционно руководил детективным агентством.

Работы в этот день было не больше, чем обычно. Турецкий обстоятельно переговорил с Севой Головановым относительно своего деликатного поручения, и Сева обещал заняться им лично и немедленно, он был сейчас свободен. Голованов – это была гарантия качества работы, и Турецкий на некоторое время перевел дух.

В обеденный перерыв Сева перезвонил сам и спросил, можно ли поставить «прослушки» в музыкальной школе. Если да, то он туда зайдет кого надо и...

– Сева, ты в своем уме? – деланно разозлился Турецкий. – Я тебя попросил о дружеской услуге, а не о том, чтобы ты законы нарушал! – В переводе на нормальный язык это означало: делай что хочешь, но результат получи.

– Понял, – весело сказал Сева и отключился.

А в три часа пополудни вдруг выяснилось, что Генеральный должен ехать на межведомственное совещание в Совете безопасности, и, разумеется, ехать туда без своего помощника он не собирался. Турецкий, однако, категорически заявил, что плохо себя чувствует и никуда не поедет. Генеральный был, как минимум, расстроен, а то и рассержен, без своего помощника он обычно ни на какие заседания не ездил. Но Турецкий настоял на своем, резонно предположив, что министры, их замы и помощники вполне продуктивно могут толочь воду в ступе и без его участия. На самом деле Турецкий чувствовал себя совершенно нормально, но он обещал Воскобойникову, что примет его, и намерен был сдержать слово.

Ровно в пять часов вечера заместитель председателя шахматной федерации приехал на Большую Дмитровку.

– На что жалуетесь, больной? – весело спросил Турецкий.

– Ох, как вы это верно подметили, – пожаловался Воскобойников. – Больной – очень подходящее слово. Вам, как особе, особо приближенной... наверное, известно: дело закрывают. Все. Самоубийство.

– Простите, я не совсем...

– Да, конечно, я понимаю, у вас наверняка своих забот предостаточно, и я, конечно, не за тем к вам пришел, чтобы первым узнать о результатах следствия. Я просто все еще не могу прийти в себя, и в федерации такая нервическая атмосфера, и пресса как с цепи сорвалась...

Из сумбурных и не всегда внятных обрывков Турецкий наконец выяснил то, что, по мнению Воскобойникова, было известно любому и каждому. Вчера утром, выбросившись с шестого этажа гостиницы «Хилтон», погиб наш гроссмейстер Богдан Болотников – чемпион мира по какой-то там версии, молодой, гениальный и все такое. Болотников вместе с еще одним молодым и гениальным по фамилии Мельник играл против русского шахматного компьютера, проиграл две или даже три партии, впал в депрессию и, видимо, потому покончил с собой.

Александр Борисович сварил гостю кофе, плеснул в него, не скупясь, коньяку, и Воскобойников в конце концов успокоился и продолжил уже четко и без лишних эмоций:

– Все идет к тому, что дело будет закрыто. Не сегодня, так завтра. Насколько мне известно, никаких сведений, противоречащих версии самоубийства, у следствия нет. Но руководство Шахматной федерации интересуют причины произошедшего. Никаких разумных объяснений. И что самое неприятное, перед смертью Болотников упоминал, что «Владимир I» по ходу игры оказывает на него психологическое давление. Сегодня в федерации дошли уже до того, что совершенно серьезно обсуждали: а не довел ли Болотникова до самоубийства компьютер? Естественно, требовать продолжения следствия на этом основании невозможно. Шахматная федерация РФ не может позволить себе выглядеть смешно. А ведь проблема еще в том, что на карту поставлены престиж страны и большие деньги. Разработку компьютера финансировали несколько крупных российских компаний, рассчитывающих на дивиденды. Предполагалось, что «Владимир I» утрет нос немецким и американским «Фрицам» и «Deer blue». Кроме того, неясно, что делать с немалыми «призовыми». Конечно, у нас есть рычаги давления на Мосгорпрокуратуру, ведущую дело, но быстрое завершение следствия – возможно, лучший вариант. И уже потом без шума, не привлекая внимания прессы и общественности, хотелось бы все-таки разобраться...

Турецкий слушал внимательно, легонько постукивая карандашом по столу. Наконец он кашлянул, и Воскобойников тут же остановился.

– Георгий Аркадьевич, я был бы рад вам помочь, но боюсь, вы все-таки обратились не совсем по адресу. И я понимаю, и вы понимаете, что реальных оснований, фактов, с которыми можно идти к следователю, нет. Но я могу дать вам хороший совет.

– За этим я к вам и пришел.

– У меня на примете есть хорошее частное охранное предприятие, качество их работы проверено и...

– При чем тут охранное предприятие? – удивился Воскобойников. – Нам телохранители не нужны, у нас проблемы иного рода, Александр Борисович. Это что, просто неудачная шутка, или вы полагаете, нам, федерации, нужно опасаться за свою безопасность?!

– Я понятия не имею. Только вы меня не так поняли. Частными охранными предприятиями сейчас называются детективные, или, если угодно, сыскные агентства, понимаете?

Воскобойников закусил губу и посмотрел в потолок, причем смотрел он туда так долго, что даже Турецкий невольно поднял взгляд. Ничего особенного, потолок как потолок, сто раз он на него смотрел.

– Видите ли, Александр Борисович, – сказал Воскобойников голосом, каким ассистент хирурга сообщает родственникам, что операция прошла не так, как планировалось, – видите ли, это то, чего я хотел бы как раз меньше всего.

– Вы меня совсем запутали. Вы же только что сказали, что вам нужно негласное расследование всех деликатных обстоятельств, ну и так далее...

– Сказал и не отказываюсь. Но все дело в том, что усилий частного сыщика, пусть первоклассного, пусть даже не одного, а нескольких, тут явно недостаточно. Мне необходимо понять не только подоплеку недавних трагических событий, но и то – что, заметьте, не менее важно! – как юридически грамотно выстроить оборону наших интересов. Это ведь только кажется: покончил человек с жизнью – его личное дело. Человек-то непростой, и с жизнью он покончил практически на рабочем месте, а значит...

– Тогда дело дрянь, – великодушно согласился Турецкий. – Детектив вам действительно не поможет.

– Что же нам делать? – несколько приторможенно спросил Воскобойников.

– Ничего не делать. Найти человека, который все сделает за вас.

– То есть?

– Вам нужен адвокат, – сообщил Турецкий, недолго думая.

– Адвокат? Почему адвокат?

– Именно адвокат. Адвокат с опытом исследовательской деятельности.

– А такие существуют? – засомневался Воскобойников.

Турецкий засмеялся, но тут же сам себя оборвал, увидев выражение лица собеседника и сообразив, что тому не до смеха.

– Я, конечно, читал в юности детективы... Но мы живем в реальном мире, и мне кажется, любую работу должны делать профессионалы, и я даже не знаю...

– Уверяю вас, такие люди существуют, и для вас это будет самый практичный вариант.

– Ну, что же, Александр Борисович, я всецело полагаюсь на ваше мнение, иначе бы меня тут вообще не было. Тогда поставим вопрос конкретно. У вас есть такой адвокат?

– У меня все есть. Гордеев Юрий Петрович – вот человек, который вам нужен.

– И кто он такой, этот ваш Гордеев?

– Вы никогда о нем не слышали?

Воскобойников на секунду задумался.

– Кажется, нет. Наверняка нет. На память я, знаете ли, не жалуясь, я хоть и не гресс-мейстер, но...

– Вот видите, – торжествующе сказал Турецкий. – Это лучшая рекомендация. Адвокат, который не слишком знаменит, работавший следователем в Генпрокуратуре, да он в любую

щель влезет, а потом выдаст вам юридическое заключение по всей форме, откуда она взялась и кто там живет. Гордеев – чрезвычайно ловкий человек. В принципе он специалист по уголовному праву, но он относится к тому редкому типу людей, которые, пребывая отнюдь не в юношеском возрасте, продолжают сохранять способность к обучаемости и, главное, большое желание и потребность в этом. Он берется за разные дела, когда они выглядят нетривиальным образом. Насколько я понимаю, ваше как раз из таких. Только сразу предупреждаю, его услуги – не из дешевых. Но то, что Юрий Петрович делает для своих клиентов, трудно измерить деньгами.

– Хм... Длинная и очень лестная характеристика.

– Если вам удастся его уговорить, считайте, что наполовину вы уже в выигрыше.

– Наполовину в выигрыше – это при своих.

– А не того ли вы и добиваетесь? Вам нужно восстановить равновесие, вам нужно понять, что и как случилось, и нужно подстраховаться правильными тезисами для возможной юридической склоки. Гордеев вам поможет, если опять-таки вы договоритесь. Он работает в 10-й юрконсультации, на Таганке. Вот, у меня есть его карточка, возьмите.

– Вы прямо пиар-агент, – заметил Воскобойников, рассматривая визитку Гордеева. – Не боитесь, что этот человек не оправдает моих ожиданий?

– Не-а, – легкомысленно отозвался Турецкий, погружаясь в свои бумаги. Для него Воскобойников уже ушел.

Когда Воскобойников и в самом деле ушел, то есть когда дверь за ним закрылась, Турецкий вздохнул с некоторым облегчением. Он любил нахваливать своих друзей и не кривил душой, когда говорил про Гордеева. деликатность момента тут была в другом: Александр Борисович с трудом удержался от того, чтобы привести Воскобойникову в пример самого себя, ведь не так давно он сам, в ту пору еще старший следователь Управления по расследованию особо важных дел Генпрокуратуры, оказался клиентом Гордеева – когда сидел в СИЗО «Лефортово» по обвинению... в убийстве молодой женщины, которую никогда не видел и которую обнаружили мертвой в его машине².

² См. роман Фридриха Незнанского «Клуб смертельных развлечений».

8

Александр Борисович Турецкий не только предупредил Юрия о визите Воскобойникова, но даже вкратце рассказал, в чем суть дела. Поэтому к разговору Гордеев был готов, хотя еще не решил для себя, стоит ли браться за это дело. После Рубинова за каждым новым клиентом мерещился какой-то подвох.

Правда, если следовать вчерашней своей логике, можно было браться спокойно. Раз Воскобойников ходил с этим в Генпрокуратуру, значит, никакой мистики, никаких зеленых «человечков» не ожидается.

Адвокат выслушал вводную, чисто механически делая пометки в блокноте и где-то на уровне подсознания уже прикидывая, с какой бы стороны получше взяться за самоубийство и самоубийцу. А когда Воскобойников закончил, задал конкретный вопрос:

– Чьи конкретно интересы мне предстоит защищать?

Воскобойников хорошо понял, что имеет в виду Гордеев, и ответил честно:

– Зависит от того, как все повернется.

Юрий Петрович честность оценил: по крайней мере, с самого начала его не водят за нос.

– На бумаге вашим клиентом будет шахматная федерация или, если вам так удобнее, я лично, как представитель шахматной федерации, – добавил Воскобойников. – А когда выяснится причина самоубийства... или, не дай бог, окажется, что Болотникова некто подтолкнул к самоубийству, или появятся другие факты, о которых мы сегодня ничего не знаем и даже не можем предполагать, тогда...

Ну, в общем, понятно. Федерация станет сколачивать коалиции с командой и родственниками Болотникова, или возьмется дружить с разработчиками компьютера против родственников и команды, или скооперируется со спонсорами, или будет держать нейтралитет и смотреть, как другие дерутся. В общечеловеческом смысле это, наверное, некрасиво и неэтично, но, по сути, таковы сегодняшние волчьи законы бизнеса: имей зубы, или тебя съедят.

– Итак, что вы скажете, беретесь? – спросил Воскобойников.

Но Юрий Петрович все еще ничего не решил. С одной стороны, было действительно любопытно покопаться в новой области, интересно почему, в самом деле, потянуло летать благополучного, перспективного, талантливого и молодого гроссмейстера, но с другой...

Пауза затягивалась. Воскобойников хотел было что-то сказать, но тут у него зазвонил мобильный, и он, извинившись, поднялся:

– Вынужден бежать. Я оставляю вам все материалы. Надеюсь, вы все-таки возьметесь. Перезвоните мне, а лучше приходите прямо сегодня на Гоголевский бульвар, 14, скажем, в четыре? Да, в 16.00.

Гордеев попрощался, ничего конкретного так и не пообещав.

Воскобойников оставил две видеокассеты и папку с бумагами. Юрий Петрович сварил кофе и включил видеомэгафон. На корешке кассет печатными буквами значилось «Пресс-конференция 10.01» и «Пресс-конференция 14.01». Начал смотреть в хронологическом порядке.

Первая пресс-конференция была, судя по всему, итоговой после первой недели турнира. Проходила она в большом конференц-зале гостиницы «Хилтон» при изрядном скоплении народа. Наверное, собралось много шахматных знаменитостей, но Гордеев узнал только Осетрова: его-то трудно было не узнать, все-таки трехкратный чемпион мира, и пару спортивных телекомментаторов. На сцене стоял стол президиума, за ним – огромный экран, светящийся логотипами спонсоров, а скромненько в уголке, видимо, тот самый шахматный компьютер – ящик размером с мини-холодильник с большим монитором, на котором то проступала, то исчезала в хаосе вспыхивающих и гаснущих звездочек шахматная доска.

Воскобойников сидел не в президиуме, а в первом ряду... Юрий Петрович нажал на «паузу» и закурил, размышляя, кто такой, по сути, этот Воскобойников. Президентом РШФ вроде бы не так давно избрали какого-то крутого депутата Госдумы, почетный президент у них – другой, не менее крутой, депутат. Есть там всякие премьеры и вице-премьеры – тоже депутаты помельче, короче, развели начальства целый полк, и в шахматном смысле никто из них наверняка ничего собой не представляет. А Воскобойников у них что-то вроде Совбеза или министра внутренних дел, так надо полагать? Интересно, он хоть знает, как фигуры передвигать? Или ему это ни к чему?

Пауза, установленная на пять минут, закончилась, и запись сама двинулась дальше. Камера скользнула по сцене и снова развернулась к залу. Народ в зале не слишком внимательно слушал выступления, все больше переговаривался между собой.

И вообще, официальная часть оказалась короткой.

Выступил Осетров, принимавший участие в создании «Владимира I», представители технического спонсора – гостиницы «Хилтон», и генерального – издательского дома «Экспресс-book» (всем присутствующим вручили книгу «Необыкновенные шахматы» из серии «Энциклопедия вундеркинда»), представитель российской компании Development Comp.Inc. – разработчика чудо-машины, и, наконец, дали слово гроссмейстерам Богдану Болотникову и Константину Мельнику.

Как понял Гордеев, Болотников и Мельник играли с компьютером по очереди до шести побед. Если компьютер обыграет обоих, победителем будет назван тот из них, кто продержится дольше. Регламент несколько странный. Впрочем, в шахматах каждый гордит кто во что горазд.

Участники уже сыграли по три партии. Болотников две проиграл, одну свел вничью, Мельник проиграл только одну, записав в свой актив две ничьих.

Все выступавшие говорили минуты по три, не больше, как будто спешили поскорее покончить с официозом и перейти к банкету. Наверняка же у них там был запланирован банкет. Гроссмейстеры, оба на вид лет тридцати, Болотников – унылый блондин с вытянутым, скупающим лицом, и Мельник – очень коротко стриженный очкарик-брюнет, похоже, недолюбливали друг друга. Наверное, поэтому ограничились одним и тем же обещанием – переломить ход матча и доказать свое превосходство над соперником и над грубым железным разумом.

На том все кончилось.

Гордеев отмотал назад и еще раз прослушал спич Болотникова. Тот выглядел злым, недовольным, но ни в коем случае не подавленным, не похожим на человека, который готов проститься с жизнью. Один раз он покосился на Мельника, и в этом взгляде можно было прочесть превосходство, может быть, даже презрение. Хотя презрение – это, пожалуй, домыслы. Чуть сжались губы, чуть дрогнул уголок рта – и, собственно, все.

Ладно. Гордеев зарядил вторую кассету и налил себе еще кофе. Вторая пресс-конференция была посвящена уже гибели Болотникова, и ничего нового, помимо того, что рассказал Воскобойников, Юрий Петрович из этой записи не узнал.

В папке лежали глянцевые буклеты, из которых явствовало, что «Владимир I» – самый современный, передовой, продвинутый и т. д. и т. п. шахматный компьютер; официальные положения РШФ о проведении турнира с подробным регламентом, перечислением членов оргкомитета, судей, спонсоров, партнеров, сопутствующих мероприятий и пр. Названия фирм-спонсоров впечатляли. Издательский дом «Экспресс-book», засветившийся на пресс-конференции, был отнюдь не самой крупной конторой. В списке присутствовали и газовые концерны, и гиганты цветной металлургии. Конечно, кто из спонсоров сколько дал денег, не сообщалось. Но если хоть кто-нибудь имеет права на неустойку в связи со срывом турнира, кому-то (видимо, РШФ) придется туговато...

В кабинет вихрем влетел дражайший начальник Генри Розанов:

– Юрий Петрович! Есть дело, прямо созданное для тебя. Замминистра! Обвинение во взяточничестве! Дело наверняка сфабриковано! Такие перипетии, все так запутано! Клиент сидит у меня. Берешься?

– Нет, я занят по самое «не могу». – Гордеев похлопал по толстой папке: – Полгода грызть.

– Да, – озадаченно хмыкнул Розанов. – Кто клиент?

– Шахматная федерация РФ, – солидно кивнул Юрий Петрович.

– «Владимир I», самоубийство и все такое?

– Угу.

– И что, интересное дело?

– Так все запутано, такие перипетии...

– Ладно. – Шеф выскочил из кабинета Гордеева, тут же хлопнула соседняя дверь и: – Сергей Сергеевич! Есть дело, прямо созданное для тебя. Замминистра!..

Нет уж, чем замминистры-взяточники, лучше шахматисты-самоубийцы, решил Юрий Петрович.

9

В 16.00 Гордеев был на Гоголевском, 14, обнаружив, что по этому адресу, оказывается, расположены и Ассоциация шахматных федераций, и Российская шахматная федерация, и детская спортивная школа имени М. Ботвинника, и Центральный дом шахматиста, и еще, и еще – с десятком шахматных и околошахматных организаций. Воскобойников поймал его прямо на крыльце и, не скрывая радости от того, что Юрий Петрович все-таки решился принять его предложение, поволок куда-то в обход, и по темной, без ковровой дорожки, лестнице они поднялись в длинный сумрачный коридор.

– Там моя резиденция. – Воскобойников махнул рукой в сторону полированной двустворчатой двери с табличкой. – И там нам особо делать нечего. Я хочу познакомить вас со своими коллегами.

– Коллегами? – переспросил Гордеев, заранее представляя себе матерых крючкотворов, которые сейчас начнут поучать его, о чем нельзя говорить, чего нельзя делать, кому нельзя верить, кого нельзя посвящать...

– Без помощников вам не обойтись. И я настаиваю, чтобы вам помогали люди, которым я на сто процентов доверяю.

– А может быть, все-таки... – Короче, нехорошие предчувствия Воскобойников развеял, вызвав в душе Юрия Петровича еще худшие: что может быть ужаснее дилетантов, играющих в детективов. – Я вполне смогу обойтись собственными силами.

– Поверьте мне, – Воскобойников даже слушать не желал, – в таком деле без людей, знающих спорт досконально и изнутри, вам не обойтись.

И, отмечая дальнейшие возражения, он толкнул чуть менее помпезную дверь без таблички. За ней располагалась небольшая комната, невероятно светлая после темного коридора. Во всех четырех углах стояли соответственно четыре стандартных офисных компьютерных стола, при каждом – стандартный же офисный стеллаж для бумаг, а по центру помещения – один сиротливый стул и большой круглый стол, очевидно для заседаний-совещаний. Правда, в настоящий момент на нем в живописном беспорядке громоздились кофеварка, электрочайник, разнокалиберные кружки, прочие атрибуты кофе- и чаепития, пятилитровая бутылка воды «Шишкин лес» и картонная коробка, доверху набитая ананасами. Совещания здесь, видимо, редкость, подумал Гордеев.

Два дальних от двери стола были заняты. За левым, под лозунгом «Ни дня без рекордов!», восседала довольно миленькая миниатюрная блондинка. Она самозабвенно колотила по кнопкам «мышки» и подняла глаза только, когда компьютер жалобным всхлипом возвестил, что игра окончена и проиграна. Судя по звуку, сражалась блондинка в «Сапера». Величавый усатый старик за правым столом отложил в сторону книгу и воззрился на Гордеева из-под седых кустистых бровей.

– Доброе утро, друзья, – поприветствовал их Воскобойников. – Позвольте представить, адвокат, блестящий мастер своего дела – Юрий Петрович Гордеев.

Блондинка со стариком многозначительно переглянулись и дружно сказали:

– Чрезвычайно приятно.

Воскобойников присел на захламленный круглый стол, взял ананас из коробки и, жестом предложив Гордееву не топтаться в дверях, представил блондинку:

– Евгения Леонидовна Брусникина – врач, специалист по спортивной метрологии. В прошлом комсомолка-активистка-спортсменка и по сей день ослепительно красивая девушка и, что не менее ценно, обладательница талантливого ума.

Евгения Леонидовна, привстав с кресла, сделала глубокий книксен. И, глядя на нее, Гордеев вспомнил, как когда-то, в студенческие годы, попробовал подработать Дедом Морозом.

Пришел в детский сад, в младшую группу, все вроде было хорошо, все по сценарию, а потом подошла ма-аленькая такая девочка с совершенно ангельским личиком, беленькими светящимися волосиками, пальчиком поманила: наклонись, мол, Дедушка Мороз. Дедушка возьми и наклонись по наивности, а она как заверещит: «У вас усы отклеились!» Он бросился их шупать, прилаживать обратно, а их нет. И не было – шапку дали с бородой на ниточке, но без усов. А девочка хмыкнула так по-взрослому и пошла заниматься своими делами в уголок.

Н-да, будут проблемы с Евгенией Леонидовной. Как пить дать, будут проблемы.

– Савелий Ильич Заставнюк – гигант спортивной статистики, обладатель феноменальной памяти, знает все и обо всем. Пардон. – Воскобойников отвлекся на звонок мобильного, а старик ограничился легким полупоклоном. – Да, буду. Хорошо. Через пятнадцать минут. – Он спрятал телефон обратно в карман и с сожалением развел руками: – Должен бежать. Поэтому стремительно о деле. Все в основном в курсе, но я все-таки повторюсь: презентация нового российского шахматного компьютера сорвана из-за гибели Богдана Болотникова. Юрий Петрович любезно согласился помочь нам разобраться в причинах, побудивших Болотникова к самоубийству, и в возникших вследствие этого юридических коллизиях. А мы в свою очередь будем всячески помогать Юрию Петровичу.

Брусникина и Заставнюк синхронно кивнули. Очевидно, взаимопонимание между помощниками полное.

– Богдан Болотников, – продолжил Воскобойников, – 27 лет, международный гроссмейстер, № 3 в рейтинге ФИДЕ. Хронология событий такова: Болотников играл 5 января белыми – ничья, 7-го черными – проигрыш, 9-го белыми – проигрыш, дальше был запланированный перерыв, 14-го он должен был играть черными, но за восемь часов до начала партии выбросился из окна номера, в котором провел ночь.

Брусникина, как школьница, подняла руку:

– Можно сразу вопрос? Что значит провел ночь? Это эвфемизм такой?

– Организаторы матча арендовали на время проведения турнира весь шестой этаж гостиницы «Хилтон», три номера были выделены команде Болотникова. И Болотников и его тренер Андрей Гуревич – москвичи, то есть у них не было необходимости жить в гостинице постоянно. Но они посчитали удобным для себя готовиться, заниматься разбором партий, отдыхать перед игрой или после нее именно там, поскольку матч проходил в тамошнем конференц-зале. Ночь с 13-го на 14-е Болотников провел в 645-м номере, один. А утром 14 января, приблизительно в 6.45 утра, открыл окно, выходящее во внутренний двор гостиницы, и выбросился из него. Причина смерти – перелом основания черепа, вызванный падением. Предсмертной записки Болотников не оставил, так что о причинах, побудивших его покончить с собой, можно только догадываться. Сейчас оргкомитет ведет экстренные переговоры со вторым участником матча – Мельником. Я думаю, что Мельник согласится доиграть свои партии согласно регламенту.

– Следствие еще идет? – поинтересовался Заставнюк.

– Следствие по факту гибели Болотникова завершено, и дело закрыто. Официальный вердикт – самоубийство. И, насколько мне известно, ни единым фактом, опровергающим сей вывод, следствие не располагает. В шахматной федерации, и не только в шахматной федерации, это самоубийство вызвало, мягко говоря, недоумение. Никто не собирается подвергать сомнению результаты следствия, но важно понять причину случившегося. Было ли это связано с турниром, вообще с шахматами?.. Болотников был молод, с виду вполне благополучен, имел блестящие перспективы.

– А выводы следствия сомнению вообще не подвергаются? – справилась Брусникина.

– Пока ни у меня лично, ни у кого-либо из моих коллег в руководстве федерации нет для этого оснований.

– А свидетели есть? – не унималась Брусникина. – Нам позволят с ними поговорить?

– Свидетелей нет. Поэтому поговорить можно только с людьми, близко знавшими Болотникова. На пустом месте люди не прибегают к суициду, причины таких шагов обычно вызревают годами. А именно причины, повторюсь, нас интересуют в первую очередь. Для матча с компьютером Болотников не собирал большую команду, с ним работал только гроссмейстер Андрей Гуревич, которого я уже упоминал, он, не исключая, может рассказать что-то о поводах к самоубийству...

– Почему только о поводах? – спросил Заставнюк.

– Гуревич до этого никогда с Болотниковым не сотрудничал. Но он опытный тренер с большим стажем, написанные им разборы партий занимают достойное место в лучших шахматных руководствах и справочниках. Именно поэтому Болотников его и пригласил. С Гуревичем я довольно близко знаком и встречу вам организую. О внеспортивной жизни Болотникова, очевидно, стоило бы поговорить с его вдовой, Валерией Гончаровой.

– Это та, которая модель Валерия Гончарова? – удивилась Брусникина. – Которая лицо Oriflame, которая в «Последнем герое», во всяких ток-шоу?

– Да, она работает в каком-то модельном агентстве и действительно снимается в рекламных и прочих роликах...

Как неприятно тесен мир, подумал с досадой Юрий Петрович. Фотографию этой Гончаровой он видел в салоне у Керубино. Наверняка они знакомы. возможно, Рубинов стрижет ее... возможно, он стриг Болотникова... возможно, к Болотникову тоже явились зеленые человечки, после чего он сошел с ума и покончил с собой. Гордеев потряс головой, отгоняя бредовые мысли, выстроившие логическую цепочку.

– С ее помощью вы, скорее всего, выйдете на другие его, внешахматные контакты, – продолжал тем временем Воскобойников. Он раскрыл папку, с которой пришел. – По просьбе шахматной федерации прокуратура составила краткое резюме по этому делу. Можете ознакомиться, но, собственно, я уже все вам пересказал и, кажется, ничего не упустил.

– А про этого «Владимира I» можно поподробнее? – попросила блондинка.

– Могу повторить только то небольшое, что сочли возможным сообщить разработчики. «Владимир I» – это вычислительная станция компании Dell, якобы типовая, программное обеспечение российское: дебютная база и алгоритм, названный «Владимир», – версия 1. Как главное ноу-хау была провозглашена способность «Владимира I» подстраиваться под игру противника, то есть компьютер как бы перестает быть бездушной машиной, а начинает приобретать некий темперамент, всякий раз наиболее неудобный для соперника. Фактически этот проект – детище небезызвестного экс-чемпиона мира Анатолия Осетрова, его замыслы воплощала в жизнь компания Development Comp.Inc. Несмотря на название, фирма русская, с международным авторитетом, ее специалисты в прошлом работали на ВПК. Разработка «Владимира I» растянулась на три года. Демонстрировать его собирались еще в прошлом году, но, как всегда у нас бывает, кончились деньги. Когда нашлись новые спонсоры и инвесторы, выяснилось, что компьютер, на который ориентировались разработчики, морально устарел, пришлось модифицировать программу под новые реалии, потом опять чуть было не кончились деньги. Прошел слух, что демонстрация «Владимира I» снова будет отложена, но презентация, как видите, все-таки состоялась, если можно так сказать.

– Позвольте добавить, – вклинился Заставнюк. – Я видел в прессе сравнительные тесты «Владимира I» и созданного тоже в этом году очередного немецкого шахматного монстра – «Фриц» называется.

– «Фриц»?! – прыснула в кулак Брусникина.

– Представьте, Евгения Леонидовна, милый русскому уху «Фриц». Так вот, вычислительная мощность у обоих компьютеров примерно одинакова, дебютную базу не показали ни наши, ни немцы, но каждый привел свои тесты и похвалил сам себя. В Интернете даже устроили голосование: «заставить „Владимира I“ сыграть против „Фрица“». Но опять же ни наши, ни

немцы энтузиазма не проявили. А также я читал, что наша презентация была под угрозой еще и из-за того, что уже на заключительном этапе тестирования в проекте полностью сменилась команда программистов.

Гордееву вдруг пришло в голову, что перед ним разыгрывается какой-то хорошо отрепетированный спектакль: неужели Воскобойников до сих пор не посвятил своих подчиненных в дело, которым им придется заниматься? Они своими меткими вопросами должны продемонстрировать уровень квалификации перед ним, Гордеевым? Или зачем вообще нужен весь этот инструктаж?

– Это все? – спросил Воскобойников. – Да? Тогда, как говорил незабвенный Никита Сергеевич, наши цели ясны, задачи определены, за работу, товарищи.

– Есть вопрос, – остановила его, уже спрыгнувшего со стола, блондинка Евгения Леонидовна. – Как выглядит финансовая сторона этого турнира?

– Да, пардон, – Воскобойников хлопнул себя по лбу, – действительно это может быть важно. По регламенту Мельник и Болотников обязались сыграть, как я уже говорил, минимум по шесть партий, это гарантировало им по двадцать тысяч долларов каждому, независимо от результатов. Оставшаяся часть призового фонда – еще двести тысяч – достается победителю. Победителем считается либо тот, кто первым одержит шесть побед над компьютером, либо тот, чей соперник проиграет компьютеру шесть партий или по любым причинам прервет участие в турнире.

– Сравнительно небольшие деньги, – заметил Заставнюк, – но все равно неплохие. И что теперь, все автоматически достанется Мельнику?

– Пока ничего не могу сказать, оргкомитет еще не принял решения. Но есть мнение: двадцать тысяч выплатить наследникам Болотникова, а остальное будет зависеть от того, продолжится ли матч.

Больше вопросов не было. Воскобойников испарился, бросив на прощание Юрию Петровичу:

– Знакомьтесь, устраивайтесь, увидимся...

10

Заставнюк, кряхтя, выбрался из своего кресла:

– Что предпочитаете выпить за знакомство? Кофе, чай, минералка?

– Кофе, если можно, – ответил Гордеев.

– А что вы стоите, как неродной. Располагайтесь. Вон тот пустой стол занимайте. – Старик указал на рабочее место напротив стола Брусникиной, украшенное большим глянцевым календарем с портретом Мартины Хингес в развевающейся, как у Мэрилин Монро, юбочке. – Нам ведь работать вместе, так пусть вам будет у нас максимально удобно. А вам, – обернулся к Брусникиной, – Женечка? Как обычно или как всегда?

– Как обычно, зеленый.

Перспектива работать не в родной конторе, а здесь, Гордеева несколько не впечатляла. Но и уходить просто так, прямо сейчас, тоже было бы неправильно. Навязанных помощников нужно было как-то озадачить. Хотя бы формально. А может быть, и реальную помощь от них получить.

Пока Заставнюк колдовал над чайниками и чашками, Гордеев присел за «свой» стол. В верхнем ящике – тонкий блокнотик с номерами телефонов Воскобойникова – домашний и мобильный, Брусникиной, Заставнюка, позывными пейджеров. Очевидно, для него заранее подготовили. В остальных ящиках пусто, если не считать свежего номера «Плейбоя», очевидно, сувенир; в компьютере тоже ничего, только системные файлы, на стеллаже для бумаг – подшивка «Спорт-экспресса» за прошлый год.

Брусникина вместе со своим креслом на колесиках подкатилась к центральному столу, помогла Заставнюку кое-как освободить одну его половину и возвестила:

– Кушать подано.

Гордеев тоже с креслом (сиротливый стул занял Заставнюк) перебрался поближе к новым помощникам... ассистентам, подчиненным, коллегам – пока не решил, как их называть.

– Ну, рассказывайте, – предложила Брусникина.

– О чем?

– У вас уже есть гениальный план?

– Женечка, – с деланной укоризной заметил старик, – дайте человеку выпить свой кофе.

Евгения Леонидовна до сих пор откровенно и чуть насмешливо разглядывавшая Гордеева, фыркнула:

– А я разве не даю? Просто мне интересно, как работают блестящие адвокаты. Перри Мейсон – понятно. А у нас-то, на русской почве?..

– У нас, на русской почве, – фыркнул в ответ Гордеев, – все происходит с таким же блеском, как и у них, на американской.

– Понятно. Но план у вас все-таки есть?

– А как же! Для затравки вбросить информацию, что Болотникова убили, и посмотреть, кто бросится ее опровергать.

– Это притом, что федерация настаивает на строжайшей конфиденциальности? – обрадовалась Брусникина.

– Федерации нужен конкретный результат.

– Классный план. Главное – смелый. Даже не просто смелый – геройский!

– В жизни всегда есть место подвигу...

– И время. С 10.00 до 10.30? Или с 17.45 до 18.00? на какое вы, барон, обычно планируете подвиги?

– По будням – после первого завтрака.

– А по выходным?..

– Эй, молодежь, молодежь! – замахал руками Заставнюк, прерывая пикировку. – Чем трепаться, налегайте-ка лучше на ананасы, куда мне их столько?

– А зачем вы их столько купили? – огрызнулся и на старика Гордеев.

– Это подарок, – не обиделся Заставнюк. – Ребята из «Локомотива» вернулись со сборов на Кипре, приперли с утра целый ящик. Жуйте, говорят, Савелий Ильич, полезно для сердца и повышает потенцию. – Он нарезал на толстые ломти два фрукта и протянул по куску «молодежи». – Может, выпили бы свой чай на брудершафт, перешли бы на «ты»?..

Брусникина демонстративно надула губы. Ну и слава богу, подумал Гордеев и уткнулся носом в папку с резюме. Смысл текста доходил слабо, хотелось еще что-нибудь эдакое высказать дамочке, оставить за собой последнее слово раз и навсегда.

– Савелий Ильич, а по статистике гроссмейстеры часто выпадают из окон? – поинтересовалась тем временем Брусникина совершенно невинным тоном.

– Крайне редко. Если честно... – старик задумчиво поскреб затылок. – Так, навскидку, могу вспомнить только одно имя. Лембит Олль – эстонский шахматист, гроссмейстер, достаточно известный, едва ли не самый знаменитый из эстонцев. Ну, после Пауля Кереса, разумеется, тот еще с Ботвинником бился. Впрочем, неважно... этот Олль погиб года четыре назад. Тоже выбросился из окна, правда, своей квартиры. Было ему тридцать три, но он до того несколько лет лечился именно по психиатрической части, сидел на антидепрессантах.

– Ну, тут все понятно – клиника...

– Да, а среди действующих спортсменов, особенно профессионалов, вообще очень мало самоубийц. Они же работают как проклятые, им просто некогда бесконечно переживать несчастную любовь и прочие сантименты. Меня, знаете, какой вопрос занимает? Если бы Болотников остался жив, он повторил бы попытку?

– В каком смысле остался бы жив? – не сразу понял Гордеев. – Его что, могли спасти? До больницы не довезли? Я что-то пропустил?

– Нет, не в том дело, я видел пресс-конференцию по поводу гибели Болотникова. Там следователь признался, что за несколько минут, а может, и секунд до того, как Болотников прыгнул, прямо под его окном стоял Газ-66...

– Да, знаю, – кивнул Юрий Петрович, сообразив, что тоже видел на кассете, оставленной Воскобойниковым, Газ-66 с тентом, груженный постельным бельем. – Попади Болотников в кузов, максимум переломал бы руки-ноги.

– Так вот повторил бы он попытку?

– Ну, этого мы уже точно никогда не узнаем, – развела руками Брусникина.

– В общем, так... – Гордеев решительно поднялся. – Савелий Ильич, я попрошу вас внимательно посмотреть все, что касается турниров с участием компьютеров. Особенно меня интересуют отзывы самих шахматистов, участвовавших в таких играх. И хорошо бы это все систематизировать.

Блондинка Евгения Леонидовна ехидно улыбнулась:

– А для меня задание будет?

– Обязательно. Загребуйте у Воскобойникова видеозаписи всех игр Болотникова с «Владимиром I» и попробуйте проанализировать его поведение. Наиболее интересные куски я хотел бы потом показать хорошему психологу.

– Разрешите выполнять?

– Валийте. – Пока она еще чего-нибудь не выдала, Юрий Петрович с курткой под мышкой вывалился в коридор. Хотелось тяпнуть коньячку. Или разбить что-нибудь вдребезги.

Какого черта, вообще?! Шахматная же федерация! Ну ладно, начальники – они чиновники. Это нормально. Но эти двое? Заставнюк – очевидно, в прошлом футболист, Брусникина – тоже явно не шахматистка, шахматистки ни в двадцать, ни в тридцать на пенсию не выходят. Чем они тогда вообще занимаются при шахматной федерации? Ну Заставнюк, ладно.

Если он такой уникальный статистик, энтузиаст и подвижник, его можно было пригреть, просто дать старику возможность спокойно заниматься любимым, и в принципе полезным, делом за какие-нибудь символические деньги. А дамочка? Никаких личных (в смысле сексуальных) отношений у нее с Воскобойниковым, скорее всего, нет. Если бы что-то такое было, он заметил бы – глаз наметан, даже если все тщательно скрывать, все равно прорвалось бы. Тогда что? Что тогда? Опять чистой воды благотворительность? Кончилась спортивная карьера у несчастной, с тренерством не сложилось, на ином поприще тоже не заладилось, и добрый дядя Воскобойников предложил ей синекурную должность?

А зачем в таком случае нужно было навязывать их помощь? Чтобы как-то оправдать их существование? Чтобы, если вдруг кто-то поинтересуется: «а за что, собственно, получают зарплату данные штатные единицы?», было что ответить? Или они приставлены в качестве соглядатаев? Присматривать за посторонними, чтобы не лезли, куда не надо?

11

Лошадью ходи!

Ничто человеческое не чуждо нашим международным гроссмейстерам. Какой же русский не любит быстрой езды и... халявы? А быстрая езда к халяве – это вообще наш национальный вид спорта. Может, пора соревнования устраивать? Всероссийские?

Однако разговор был о международных гроссмейстерах. А именно о Константине Мельнике. Константин Мельник дал предварительное согласие продолжить матч с шахматным суперкомпьютером «Владимиром I». Особенно трогательно звучит «предварительное». Прямо слезы на глаза наворачиваются. Мечется человек, сомневается. Может, не стоит все-таки?.. Но искушение слишком велико. Халява-то – вот она! Протяни только руку, и призовые, считай, уже в кармане. Благодаря невнятно-запутанному регламенту и практически независимо от результатов игры.

Нет, если уж совсем честно, то не корысти ради дал Мельник предварительное согласие. А только для возрождения почившей ICS его имени. Для тех, кто запомнил, напомним: год примерно назад Мельник выиграл турнир в Дубае с призовым фондом в полмиллиона долларов. И вместе с шейхами, организаторами турнира, организовал в Интернете международную детскую шахматную школу ICS – International Chess School имени Мельника К.А. Предполагалось дистанционное онлайн-обучение, селекция вундеркиндов, стипендии одаренным и нуждающимся, короче, красиво было задумано. Но оказалось, что бизнес – дело нелегкое, ничего путного не получилось, а средства, как водится, быстро рассосались.

И вот ради возрождения этого миража Мельник готов наплевать на приличия и добывать легкие деньги.

Однако же народная мудрость – она на то и народная мудрость: халявы на халяву не бывает. Как бы не пришлось вам потом, господин Мельник, краснеть.

Иван Лужин.

Интернет-газета «65-я клетка»

12

Насколько вообще можно рассчитывать, что мотивы суицида будут раскрыты?.. Даже если имеется предсмертная записка или перед тем, как наложить на себя руки, самоубийца с кем-то говорил о своих планах. Ведь крайне редко человек с петлей на шее или пистолетом у виска говорит или пишет: в моей смерти прошу винить такого-то и такого-то, потому-то и потому-то. А даже если и говорит, можно ли верить ему буквально? Опыт учит, что нельзя.

Но, как правило, получается хотя бы в общих чертах ограничить круг потенциально виновных. Или, вернее, назвать тех, кто точно не виновен.

В этом, для начала, очевидно, и состояла задача Гордеева. Убедительно доказать, что РШФ нельзя винить в самоубийстве Болотникова. «Владимира I», оргкомитет турнира и Мельника – тоже нельзя. и вообще, шахматы к этому событию не имеют никакого отношения. И уже потом, имея на руках такие доказательства, можно, во-первых, с чистой совестью возобновлять турнир – найти Болотникову замену и возобновлять. А во-вторых, строить защиту от любых нападков, будь то родственники покойного, или спонсоры, или пресса, или возмущенная мировая общественность.

И для добывания убедительных доказательств нешахматных причин самоубийства лучше всего подходит человек, не имеющий никакого отношения к шахматам, – тут замысел Воскобойникова был понятен. Но свежему и чистому человеку все равно придется с головой влезть в эти самые шахматы.

Впрочем, как раз это менее всего заботило Юрия Петровича. Он относил такие вещи, скорее, к маленьким радостям адвокатской работы. Когда ты что-то ищешь в незнакомой прежде профессиональной среде, то невольно так в нее погружаешься, что успеваешь прожить там небольшую параллельную жизнь. В частности, и за это, среди прочего, любил Гордеев свою работу. А конкретно это погружение не оставляло в голове места для Керубино. Он пока не давал о себе знать, и Юрий Петрович старался о нем вообще не думать, но все равно ведь думалось. Само собой и несмотря ни на что.

– Болотников, Болотников, Болотников... – как заклинание произнес Гордеев и зарядил поиск в yandex.

О Болотникове было столько материалов, что за месяц не перечитать. Но адвокат сосредоточился только на его интервью за последние полгода. Интервью делились на две группы: благодушно-жизнерадостные, когда Болотников что-нибудь приличное выигрывал, и едко-злые – когда проигрывал. Гордеев проштудировал вторую группу. В адрес РШФ и прочих надшахматных организаций Болотников ни разу ничего плохого не сказал. Значит, предварительно их из подозреваемых в доведении до самоубийства можно исключить. Зато некоторым коллегам-шахматистам от него крепко досталось – на эпитеты покойник не скупился.

Из таких коллег Гордеев выделил наших Мельника и Леонида Дименштейна, шведа Йохансена, индийца Сатъянджита Бэя, украинца Анатолия Климука и болгарина Тодора Бойкова. Мельника адвокат решил оставить на закуску, с ним можно и вживую побеседовать, а об остальных поискал шахматную прессу в Интернете. Его интересовало в первую очередь, чем в текущий момент они заняты и где они сейчас находятся. Это было особенно существенно: присутствовал ли кто-нибудь на последних играх Болотникова.

Первое, что отыскал Гордеев, была статья из «Молодежной газеты» о том, что Леонид Дименштейн собирается играть в шахматы с тюремщиками. Дименштейн был 6-м номером в мировом рейтинге, но, кажется, соревнования высочайшего уровня его сейчас не слишком волновали. Дело в том, что в столице скоро должен был пройти финал Всероссийского турнира управления исполнения наказаний по шахматам с его участием! Всего в турнире участвовало несколько сотен сотрудников этой системы и заключенных. Первые этапы прошли в самих

колониях, тюрьмах и СИЗО. Каждая область должна была представить к финалу в столицу одного лучшего игрока. Однако в Москву осужденные заведомо не могли попасть, поскольку их этапирование потребует слишком больших затрат. А за них будут играть полтора десятка надзирателей в звании от сержанта до полковника. Среди них есть как мастера спорта по шахматам, так и простые любители. Вначале тюремщики будут два дня соревноваться между собой, а потом уже – с Дименштейном, причем он будет играть со всеми одновременно. Победителю турнира знаменитый шахматист вручит хрустальную сову и много других ценных призов. Занявшим второе и третье места достанутся пылесос, магнитофон и книги. Шахматы довольно популярны в российских местах заключения, поэтому было решено проводить турнир не реже одного раза в два года. Организаторы обещали найти средства и обязательно этапировать в столицу заключенных, которые станут победителями в своих регионах в следующий раз. Дименштейн был давно увлечен этим проектом и ни на что другое не отвлекался.

Известный гроссмейстер, вице-чемпион мира по быстрым шахматам, швед Йохансен уже полгода как находится в Канаде, где он буквально на днях развлечения ради принял участие в первом чемпионате мира по игре «Камень, ножницы, бумага» и выиграл его, назвавшись чужим именем. Швед уже не первый месяц заявляет о том, что устал от шахмат и подумывает, не завершить ли ему вообще свою карьеру.

Ну, это вряд ли, подумал Гордеев. Все-таки у гроссмейстеров такого уровня (а Гордеев проверил: Йохансен, несмотря на то что не играл целых полгода, занимал в международном рейтинге девятое место) очень большие гонорары.

Один из лидеров мировых шахмат, индиец Сатьянджит Бэй (4-й в мировом рейтинге), выиграв первый крупный турнир в этом году – в Вейк-ан-Зее, тоже взял паузу и даже отказался от участия в соревнованиях в Линаресе, что «заведомо лишает турнир того накала страстей, который у него был бы в присутствии всех сильнейших шахматистов». Конец цитаты. Бэй, имеющий в шахматном мире прозвище Беспощадный Индус, сейчас мирно отдыхает в своем доме в Испании. По неподтвержденным данным, компанию ему там составляют две известные французские актрисы и украинский гроссмейстер Анатолий Климук (5-й в мировом рейтинге), с которым у Бэя давние дружеские отношения. «Климук – инфант терибль на шахматном небосклоне, человек, который своим непредсказуемым поведением не раз и не два срывал крупнейшие международные соревнования. Дважды планировался его матч за шахматную корону с действующим тогда чемпионом мира Бойковым, один раз Климука не устроила сумма гонорара, который он получил бы в случае проигрыша, в другой раз соглашение было заключено, однако на матч, который должен был состояться в кенийском городе Хома-Бей – на побережье озера Виктория, он так и не прилетел». Позже выяснилось, что в это самое время Климук принимал участие в шахматном фестивале AIR FRANCE OPEN в Марселе в числе других 650 участников из более чем 50 стран, среди которых было много игроков, даже не дотягивавших до уровня российского мастера спорта. Вразумительного ответа относительно того, зачем он так поступил, от украинца так и не последовало. Вскоре после этой истории в шахматном мире начал циркулировать популярный анекдот: Посреди ночи пьяный Климук приезжает к любовнице, на ногах еле стоит. Любовница ему: «Ты где был?» Климук: «В шахматы играл». – «А почему от тебя коньяком разит?» – «А что, шахматами должно?»

...Впрочем, совершенно не факт, что Климук сейчас в Испании. Еще месяц назад он заявлял, что непременно приедет посмотреть на матч «этих трех тугодумов» – имелись в виду, конечно, Болотников, Мельник и «Владимир I» (чем поверг организаторов в легкое смятение), однако в зале гостиницы «Хилтон» ни разу замечен не был.

Еще один выдающийся шахматист, автор многочисленных шахматных учебников, предпоследний чемпион мира, болгарин Тодор Бойков (3-й в рейтинге) сейчас находится в Москве (куда он переехал на постоянное место жительства еще три года назад) и как будто пишет книгу о ста лучших гроссмейстерах двадцатого века. Что, впрочем, не мешает ему регулярно

принимать участие во всех крупнейших турнирах. В последнее время Бойков демонстрировал странную динамику: на одних турнирах он шел по пути наименьшего сопротивления, стремясь завершить все партии как можно быстрее вничью, на других показывал очень интересную игру. Впрочем, уровень его мастерства, видно, все-таки падает, потому что за последний год он опустился в рейтинге уже на четыре позиции и сейчас занимает седьмое место. Бойков, однако, на публике давно не появлялся, а интервью, которые он дает спортивным журналистам, вполне могут быть сделаны по телефону или по электронной почте. Так в Москве ли он на самом деле?

В общем, единственный достоверный вывод, который можно было сделать из перелопаченной информации: лучшие шахматисты мира – люди по-настоящему экстравагантные.

Дименштейна и шведа из списка подозреваемых можно было, пожалуй, исключить, но остальных придется раскапывать дальше. А особенно заинтересовали Гордеева Климук и Бойков. Они были полной противоположностью друг другу, словно объектив и негатив. Бойкову было 42 года, и он являл собой саму дисциплину и пунктуальность, его карьера развивалась поступательно, и чемпионом мира он стал в 38 лет. В шахматном мире его звали мистер Йес, потому что долгое время не бывало случая, чтобы кто-нибудь в чем-нибудь от него получил отказ. Бойков участвовал в благотворительных акциях, одним из первых стал активно играть против мощных компьютеров, открывал шахматные академии, даже снимался в кино, никогда не проявляя особой финансовой заинтересованности. С Болотниковым на официальных турнирах встречался восемь раз, счет 4,5:3,5 в пользу Бойкова.

Климuku же было 24, и он был разгильдяй, каких поискать. В 13 лет он получил звание шахматного мастера и титул чемпиона СНГ среди юниоров, а год спустя бросил школу, заявив, что она «совсем не помогает ему заниматься шахматами!» Климук обожал диктовать организаторам состязаний свои условия. Например, матчи с его участием не могли начинаться раньше четырех часов дня, так как он привык вставать не раньше одиннадцати. Жить в гостиницах он не любил, но уж если приходилось останавливаться в гостинице, то это обязательно должен был быть лучший номер. Ему ничего не стоило пообещать что-нибудь (интервью, игру, выступление на празднике) и потом под самым надуманным предлогом, или вовсе без предлога, отказаться от своего обещания. Во время турниров он никогда не входил в зал, он всегда врвался в него, как буря, и также его покидал, никогда не обращая внимания ни на журналистов, ни на ожидающих автографов поклонников. И еще, он страшно, просто панически, боялся проигрышей и ненавидел ничьи. Из боязни проиграть он выступал на чемпионатах и турнирах крайне нерегулярно, предпочитая им матчи, играя один на один, и действительно, на длинном отрезке времени он был исключительно силен. С Болотниковым на официальных турнирах встречался пять раз, счет ничейный 2,5: 2,5.

Гордеев задумался. Конечно, опыта ему не занимать. Но все-таки для различных деликатных операций неплохо бы иметь под рукой сноровистых оперативников, а еще лучше... Как уточнить, чем, например, на самом деле заняты украинец Климук и болгарин Бойков? Действительно ли они там, где пишут газеты? Или, может быть, как раз Климук в Москве, а Бойков – в Испании или в других теплых краях? В самом деле, если ты пишешь книгу, то зачем непременно сидеть в холодном мегаполисе. Да к тому же ты – обеспеченный человек и не обязан каждый день ходить на службу. Или, если Климук действительно так непредсказуем, как об этом все говорят, и если бы он, например, захотел для каких-то своих сугубо личных целей инкогнито приехать в Москву, он мог бы намеренно об этом сообщить журналистам, чтобы те сделали как раз обратный вывод: мол, ага, раз так, то украинца в Москве нет и быть не может!

Гордеев думал, что шахматный мир обладает некой отличной от всей остальной вселенной логикой, которую не связанным с этим видом спорта понять непросто. Так, может быть, не надо и пытаться? А что, если привлечь самого Дениса Андреевича Грязнова – непревзойденную ищейку, человека без страха, упрека и рефлексий. Пусть Воскобойников против, ему

вовсе необязательно об этом знать. Пусть себе думает, что расследование ведется исключительно руками и мозгами Заставнюка и Брусникиной.

Адвокат позвонил Денису и с разочарованием узнал, что его друг сейчас в Санкт-Петербурге, и когда вернется в Москву, никто понятия не имеет. Какая досада!

– А чем сейчас занимается многоуважаемый Юрий Петрович? – с иронией спросили Гордеева в «Глории».

– Собираюсь на межпланетный шахматный конгресс, – вздохнул он, и на этом разговор был закончился.

Мозги закипали. В голове роились всякие бессмысленные слова, вроде «Я тут проездом, устал после Карлсбадского турнира». Пожалуй, стоило проветриться и навестить помощников.

13

– Если вы будете столько играть, испортите себе глаза.

– Зато нервы успокою.

– Нервы, Женечка, надо успокаивать медитативными играми. Маджонг, например. Хотите, установлю вам маджонг? Очень успокоительная китайская игра.

– Не хочу.

– Тогда все равно бросайте вашего «бомбиста», давайте лучше чаю попьем. – Савелий Ильич, кряхтя и демонстративно придерживая поясницу, поплелся кипятить воду. – И ананасов еще полно в холодильнике, а еще я сыра купил, хотите ананас с сыром? Замечательно успокоительный симбиоз.

– Не хочу. – Женя отобрала у Заставнюка чайник. – Актер из вас, Савелий Ильич, никакущий. Когда вас в самом деле радикулит прихватит, вы в зеркало загляните, запомните выражение лица, может, тогда и симуляция получится более убедительной.

– Злая вы, Женечка. – Заставнюк поджал губы.

– Не злая! То есть, конечно, злая, но не очень. Простите, ради бога, видите – извиняюсь? Скажите лучше, зачем?! Зачем Воскобойникову понадобилось это наше сотрудничество с «блестящим адвокатом»? Зачем ему вообще понадобился «блестящий адвокат»? Если шефу хотелось негромкого внутреннего расследования, мы бы и сами справились. Разве нет?

– Нужен адвокат или не нужен, шефу, согласитесь, виднее...

– Тогда зачем мы при адвокате?

– А это вообще вопрос риторический. Ответ на него вы сами прекрасно знаете. Адвокат, даже самый «блестящий», в одиночку никакое дело не потянет. А сор выносить из избы категорически нельзя. И, кроме того, вам ведь такая работа нравится? Это же намного интереснее, чем бумажки с места на место перекладывать, рисовать графики с диаграммами...

– Ну, не знаю... Может, лучше уж бумажками шуршать, чем быть на побегушках у этого мачо.

– Мачо? Почему мачо? – удивился Савелий Ильич.

– Потому что мачо! У него на лбу написано, что всей его жизнью и деятельностью управляет отнюдь не голова, а совсем другой орган.

– Женечка, – замахал руками Заставнюк, – успокойтесь, я умоляю! Я не понимаю, что на вас такое нашло. Может, не в Гордееве дело?..

– А в чем же тогда?

– Не знаю. И даже предполагать не стану. Ваше личное – это ваше личное. Просто последние дни вы ходите как в воду опущенная.

– Неправда.

– Хорошо, неправда. Вы веселы и энергичны как никогда.

– И это неправда, – вздохнула Женя.

– Ну, не расстраивайтесь вы так. Хотите, расскажите мне, излейте душу. В конце концов, я уже настолько стар, что на мою принадлежность к мужскому роду можно не обращать внимания.

Она ничего не ответила.

– Это из-за Володи, который заходил за вами раньше каждый вечер, а теперь перестал? Вы поссорились? Расстались? Или Гордеев вам все-таки понравился?..

– Что вы, я вся трепещу от восторга!

Заставнюк разлил чай и, забыв о пояснице, сходил к холодильнику за ананасом и сыром, изготовил несколько сочных слоек – сыр-ананас-сыр.

– Не знаю, Женечка, Гордеев, по-моему, вполне нормальный товарищ, вовсе даже не мачо. Заносчивый? нет. хвастливый? нет. Конечно, понадобится некоторое время, нужно притереться, получше познакомиться. Раз начальство хочет, чтобы мы работали вместе, значит, будем работать вместе...

– Была большая и чистая любовь, которая мелко и грязно закончилась.

– Что, простите?

– Сводка с личного фронта.

– Да-да, я понял, – сконфуженно закашлялся Савелий Ильич. – Бутерброд берите.

Женя, чтобы не обижать старика, откусила кусочек. Заставнюк, пряча смущение, тщательно размешивал в чашке сахар.

– Давайте не будем больше об этом, хорошо? – предложила Женя. – Поможете мне отсмотреть этот бесконечный триллер? – она кивнула в сторону доставленного с утра ящика видеокассет с записями игры Болотникова против «Владимира I». – А я потом помогу вам копаться в Интернете.

Савелий Ильич откликнулся преувеличенно бодро:

– Конечно! Конечно, помогу. И еще я думаю, мы можем многое сделать из того, о чем Юрий Петрович даже не задумывается, как человек далекий от спорта. Можем просмотреть открытую информацию о предматчевых тренировках Болотникова, выяснить, как он питался накануне каждой партии, сколько спал, сколько тренировался, как держался. Еще обязательно нужно проанализировать отзывы о его игре в прессе, особенно негативные, полюбопытствовать, что у нас на тотализаторах: какие принимались ставки, были ли крупные выигрыши в связи с нарушением регламента... Но, Женя, давайте, прежде чем за все это браться, сыграем в морской бой?

– Зачем?

– Для успокоения нервов. Если вы выиграете, значит, Юрий Петрович – кристальной души человек и все такое, и у нас вместе все получится, а?

– Понятно, – усмехнулась Женя. – Значит, морской бой – игра не азартная, а медитативная. По сети или по старинке?

– По старинке.

Расселись по разным углам комнаты, Женя вернулась за свой стол, тщательно вычертила два поля, расставила кораблики, Заставнюк зачем-то откочевал за пустой стол Гордеева и загородился его монитором. Женя про себя посмеивалась над его наивными стариковскими уловками, наверняка ведь будет играть в поддавки, но кто, собственно, ей мешает играть так же?

– Готовы? – справился Савелий Ильич. – Ходите.

– А-1, – стрельнула Женя.

– Мимо. К-10.

– Ранили.

– И-9.

– Так нечестно, по диагонали корабли не стоят. Поддаетесь?

– Пардон, ошибся. К-9.

– Мимо! В-2.

– Подбили!

– Однопалубный?

– Да. Палите дальше.

– Г-4.

– Опять попали! И опять однотрубник! Просто Цусима какая-то!

Женя решила по диагонали больше не ходить:

– Б-4.

– И снова попали! – с прекрасно сыгранным отчаянием возопил Заставнюк. – Ранили. Женечка, у вас на вооружении спутник-шпион?

– Нет. А-4.

– Фух! Мимо. И-10.

– Еще раз ранили. Врагу не сдастся наш гордый «Варяг»... – промурлыкала Женя.

– А «Варяг» был четырехтрубный, – протянул Савелий Ильич, – но он-то как раз и ни при чем: если у нас Цусима, «Варягу» здесь не место, здесь должен быть крейсер «Аврора». И вообще, у меня тут вторая российская Тихоокеанская эскадра погибает, а я, несчастный вице-адмирал Рождественский, в панике палю куда попало – 3-10.

– Добили, вице-адмирал!

– Е-10.

– Мимо! Что тебе снится, крейсер «Аврора»... Б-5! Нет, лучше: «я убью тебя, лодочник! я убью тебя, лодочник...»

– Добили, адмирал!

– Я, значит, адмирал? К-1.

– Вы – адмирал республики Того. Мимо!

Женя услышала в коридоре знакомые шаги, но предупредить Савелия Ильича не успела: через полсекунды в комнату влетел Воскобойников:

– Чем интересным заняты?

– Да вот в морской бой играем, – невинно заметил Заставнюк. – У Женечки душевное смятение...

Воскобойников недоверчиво заглянул ему за плечо:

– Н-да.

– Савелий Ильич загадал: если я выиграю, наш временный босс Юрий Петрович окажется кристальной души человеком и все такое, – пояснила Женя.

– Вы выиграете, – сказал Воскобойников. – Савелий Ильич совершенно бессовестно вам поддается.

– Собрал все корабли в кучку, да?

– Хуже, – засмеялся Воскобойников. – Он их вообще не нарисовал – рисует прямо по вашим выстрелам.

– Не стыдно, Савелий Ильич? – беззлобно возмутилась Женя. – Пожилой человек, вице-адмирал...

Заставнюку было совершенно не стыдно, он довольно ухмылялся в усы:

– Зато смотрите, куда девалась ваша утренняя мрачность?

– Трансформировалась в предобеденную угрюмость.

– Неправда.

– Правда!

– Нет!

– Да!

– Не спорьте, Женечка, я вас прошу.

– Давайте я вам кое-что поясню, – предложил Воскобойников. – Поскольку весь сыр-бор из-за Гордеева и, насколько я понимаю, он вам свое жизненное кредо не изложил, я попробую сделать это вместо него, чтобы вас, Женя, успокоить.

– Сделайте одолжение, – выдохнул Заставнюк.

– Один мой знакомый, заместитель Генерального прокурора, дал Гордееву замечательную, на мой взгляд, характеристику: профессионал, способный влезть в любую щель, а потом выдать вам юридическое заключение по всей форме, откуда она взялась и кто там живет.

– Проныра, – прокомментировала Женя.

– Не проныра, а виртуоз, – не согласился Воскобойников. – Юрий Петрович, возможно, не слишком знаменит, но у него есть опыт работы следователем в Генпрокуратуре и на его счету – это уже я сам выяснил – десятка три запутанных дел, в каждом из которых он проявил себя с самой лучшей стороны. В принципе он специалист по уголовному праву, но относится к тому редкому типу людей, которые, пребывая отнюдь не в юношеском возрасте, продолжают сохранять способность к обучаемости и главное – большое желание и потребность в этом.

– Ну, я же говорил вам, Женя! – воскликнул Заставнюк.

– Хорошо, хорошо, не спорю. Понимаю, что спорить с вами бесполезно.

– Кстати... – Воскобойников хмыкнул. – Я встречался с начальником Юрия Петровича Генри Розановым. Этот адвокат знаменит и потому в нашем конфиденциальном деле бесполезен. Но речь, само собой разумеется, зашла о шахматах, и господин Розанов рассказал мне забавную историю о Гордееве – как Юрий Петрович участвовал в шахматном турнире среди адвокатов, обязали его участвовать. Так вот, в первом отборочном круге Гордеев проиграл подряд 21 партию. Двадцать одну! Из двадцати двух, которые ему нужно было сыграть. Вам это о чем-нибудь говорит?

– В шахматы он играть не умеет, – ответила Женя.

– Я не об этом. Тех, кто не умел играть, там было предостаточно, но только он один не отказался играть после второго-третьего поражения. Из этого можно сделать, как минимум, два вывода: во-первых, Гордеев – человек обязательный, во-вторых – без болезненного самолюбия и честолюбия. Это значит, что он легко сработается с незнакомым коллективом, нашим коллективом. Человек без необоснованных претензий на лидерство...

– А может, он просто мазохист?

– Мазохисты, Женечка, люди угрюмые и лишённые чувства юмора, а Гордеев – нормальный человек, наш человек. Кроме того, двадцать вторую партию он свел вничью!

– Значит, зануда!

– Знал бы я вас меньше, я бы сказал, что это вы зануда, Женя, – отмахнулся Воскобойников. – Нам же нужен скрупулезный профессионал, а не балагур и не массовик-затейник!

– Нет, по-моему, портретец вполне симпатично выглядит, – протянул Савелий Ильич. – Совсем даже не мачо, правда, Георгий Аркадьевич?

– Конечно, нет.

– Ладно, не мачо! Гаучо без пончо! – сдалась Женя. – Я уже обожаю его всем сердцем и жизни своей без него не мыслю, все довольны?

Воскобойников шагнул к двери и, уже взявшись за ручку, вспомнил:

– Собственно, я к вам шел, чтобы сказать, что Гуревич согласен, например, сегодня поговорить с Гордеевым. Только пусть перезвонит и уточнит время. Или вы перезвоните, Женя.

– Ну что, будем смотреть кино? – спросил Заставнюк, когда шеф испарился.

– Надо запасть кофе, – кивнула Женя, – иначе уснем.

Зрелище действительно оказалось сонное. Для полноты картины Воскобойников достал не смонтированный материал, а записи со всех четырех видеокамер, работавших в зале «Хилтона» во время каждой игры. То есть в среднем три часа каждая партия, да на четыре камеры, да на три партии, которые успел провести Болотников, – выходило, что смотреть придется 36 часов.

Но Женя решительно взялась за пульт и безжалостно промотала все куски, где Болотникова не было, где он был со спины или сильно издалека. В режиме такого ускоренного просмотра они справились с делом за пару часов. И вот что получилось в результате. По ходу первой партии Болотников был спокоен, почти не вставал, думал довольно быстро, а под конец даже снисходительно заулыбался и легко согласился на ничью. Во второй игре спокойствие его начало таять прямо на глазах, он немного дергался, вскакивал, ходы обдумывал только стоя, проиграл на 40-м ходу и спешно покинул зал. Третья партия: Болотников внешне невозмутим,

лицо словно вытесано из камня, но он все время держится пальцами за виски и не отрывает взгляд от доски. Проигрыш на 29-м ходу ничего в его поведении как будто не меняет. Он спокойно встает, медленно уходит, по-прежнему прижимая пальцы к вискам. полное впечатление, что он не вполне соображает, где он и что с ним, – глаза широко распахнуты и совершенно пусты.

– По-моему, он был в каком-то трансе, – сказал Савелий Ильич.

– Похоже, – согласилась Женя. – Но пусть Гордеев и в самом деле покажет эту запись хорошему психиатру, а тот уже точно скажет: транс это или симуляция. или же у него просто голова болела.

14

За сутки с его предыдущего визита мало что изменилось. Брусникина и Заставнюк все так же сидели за своими столами. Заставнюк – с неизменной книгой, Брусникина – уставившись в экран компьютера. Только на этот раз в процессе игры она еще успевала нажимать левой рукой на кнопку Redial стоящего рядом телефона. А телефон, пропищав семь цифр-нот, срывался на короткие гудки. Брусникина не глядя давала отбой, и все повторялось сначала.

– А, Юрий Петрович! – первым оторвался от своего важного занятия Заставнюк. – А я, представляете, проштудировал вот, с позволения сказать, энциклопедию. – Он похлопал ладонью по книге в яркой глянцевой обложке. – Подарок генерального спонсора нашего несчастного турнира. «Необыкновенные шахматы» из серии «Энциклопедия вундеркинда», не читали?

Гордеев отрицательно мотнул головой, раздумывая: снять куртку и присесть за предоставленный стол или прямо с порога, не раздеваясь, поинтересоваться успехами, которых, судя по всему, немного, и шагать себе восвояси?

– И не стоит, – кивнул старик. – Не впечатляет книженция, скороспелая слишком. Вот разве что несколько баек из жизни знаменитых шахматистов подобраны со вкусом. Одна совершенно замечательная. – он засмеялся еще до того, как начал рассказывать. – На шахматном турнире в Гааге 84-летний гроссмейстер Мизес выиграл партию у 86-летнего голландского шахматиста Ван-Форреста. У Мизеса спросили: «В чем заключается секрет вашего успеха»? «Молодость победила!» – ответил тот. Молодость, представляете?! – он заливисто расхохотался.

Брусникина улыбнулась уголком рта, не отрывая взгляд от экрана, а руку от телефона.

– Я заходил к Воскобойникову... – сказал Гордеев.

– Если вы по поводу Гуревича, – откликнулся отсмеявшийся Заставнюк, – то Женя вот битый час пытается ему дозвониться.

– Шеф заходил, – подтвердила Брусникина. – Гуревич не против поговорить, только нужно согласовать время. А по домашнему упорно занято, мобильный же вообще, видимо, отключен.

– Что, так целый час и звоните не переставая? – справился адвокат.

– С перерывом на чай и отправление естественных надобностей, – съязвила Брусникина и добавила уже без ехидства: – Пока я отчет по вчерашнему дню писала, хоть автоответчик работал, а теперь даже до него не достучаться.

Юрий Петрович не смог удержаться от ответной желчной реплики:

– Вы пишете отчеты? – Что-то раздражало его в этой ситуации. То есть понятно что – идиотизм его раздражал. Ну что проку от таких помощников? ладно еще старик Заставнюк – кладезь достоверных фактов и завиральных теорий, такой консультант действительно нужен. Но довесок-то к нему зачем?

– Отчеты у нас – обязательная практика, – ответил за Брусникину старик. – Шеф требует максимально подробных докладов о каждом дне, о каждом действии. Выводы можно опускать, он любит их делать сам...

– О каждом действии? – не поверил своим ушам Гордеев. То есть получается, что все их вчерашние разговоры, препирательства отражены на бумаге, сданы и подшиты?! Бред! Горячий бред. Такого и во сне не приснится. – Но зачем?

– Во-первых, чтобы учиться на собственных ошибках, а во-вторых, такова практика.

– Понятно, – протянул Гордеев, хотя на самом деле ничего ему понятно не было. Кроме того, что нужно поменьше болтать все. – И Воскобойников действительно потом это все читает?

– А вы не смотрите, что раз в день забегаёт минут на пять – и все. Количество комиссий, комитетов, советов и федераций, в которых шеф перманентно заседает, не поддается исчислению, – ответила теперь Брусникина. – Плюс он еще читает лекции в институте физкультуры и руководит программой на спортивном канале. Он все успевает. Не волнуйтесь, мы под чутким руководством.

– Да я, собственно, и не волнуюсь...

Тут вдруг случилось чудо: вместо коротких гудков телефон выдал два длинных, и следом низкий хрипловатый голос произнес:

– Слушаю.

– Андрей Валентинович? – Брусникина обстоятельно представилась, не забыв помянуть Воскобойникова, свой вчерашний разговор с автоответчиком, обещание о встрече, выданное Гуревичем...

– Простите... – прервал он недовольно. – Чем именно я могу помочь?

– Когда мы могли бы встретиться?

Гордеев и Заставнюк подтянулись поближе к телефону, Гуревич говорил как-то невнятно, а громкая связь была не такой уж и громкой.

– Это обязательно?

Казалось, тренер расстроен и недоволен.

– Нам необходимо задать вам несколько вопросов о Богдане Болотникове. Это не телефонный разговор, так ведь, Андрей Валентинович?

– Телефонный разговор, не телефонный – предрассудки все это! И сразу предупреждаю: ничего, что могло бы вас заинтересовать, я не знаю. Раньше я с Богданом не работал, он пригласил меня только на матч с «Владимиром». Я поначалу не соглашался, и отказался бы – Осетров уговорил.

– А почему вы не хотели войти в команду Болотникова?

– Что значит, «войти»? Я и был вся его команда.

– Простите, я неточно выразилась. Почему все-таки? Это нарушало ваши планы?

– Нет. Не особенно.

– Может, у вас был личный мотив?

– Да нет же! – Гуревич окончательно вышел из себя. – С чего вы взяли?! Богдан был человек с характером, а кто из шахматистов без характера? Талантам нужно прощать некоторую долю вздорности и неблагодарности.

– Но почему он выбрал именно вас?

– А к кому он еще мог обратиться?! Думаете, нашлось бы много охотников иметь с ним дело?

– Не знаю.

– Спрашивайте уже, наконец, главное: говорил ли он мне, что компьютер каким-то образом проникает в его сознание? Лично мне не говорил. Может, кому-то другому и обмолвился мимоходом. Но мало ли чего не скажешь сгоряча, когда две партии подряд проиграешь! Я тут прокручиваю в голове который уже раз, как Богдан держался, было ли заметно, что он готов и собирается покончить с собой. Нет, я никаких симптомов не разглядел. Настроение было вполне боевое и жизнерадостное. Да, несколько раз во время анализа он отключался, думал о чем-то своем, мрачнел, но это же понятно: серьезный соперник, ответственность, постоянное напряжение...

– Андрей Валентинович, и все-таки есть необходимость более подробного разговора...

– Воскобойников уполномочил вас? Ладно, приходите, только не задерживайтесь, – с большой неохотой согласился Гуревич. – но предупреждаю еще раз: я вам уже все рассказал.

– Я еду к нему, – подскочила Брусникина. – Вы со мной? Или удовлетворитесь рапортом?

«Это вы со мной, – хотел сказать Гордеев, – а лучше я без вас». Но Евгения Леонидовна как бы поставила его перед фактом. И вступать в препирательства, разъяснять иерархию отношений именно сейчас почему-то не хотелось. Он застегнул куртку, которую так и не собрался снять, и с галантной ухмылочкой распахнул перед дамой дверь.

Не сговариваясь, сели каждый в свою машину и друг за дружкой покатали к дому Гуревича на Нахимовском проспекте. Брусникина ехала первой. Так получилось само собой: ее зеленая «мазда» была припаркована удобней, и она смогла раньше выбраться со стоянки. Гордеев мог бы спокойно ее обогнать и тем самым восстановить субординацию, но сознательно не стал этого делать. удобнее наблюдать за машиной, идущей впереди, нежели пялиться в зеркало заднего вида. А глядя на то, как человек ведет машину, можно сделать бездну любопытных выводов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.